

ТЕХНИКА КАЗНЕЙ

Техникой исполнения смертных казней занимались коменданты крепостей, командующие войсками, министры, палачи и царь.

На этот счет „высокопросвещенные“ субъекты с университетским образованием, в мундирах и фраках, наравне с уголовным бандитом в арестантском облачении — палачем, составляли детальные планы-проекты: как вешать, как и где хоронить казненных, какого размера и цвета должно быть платье на приговоренных к казни, какой длины нужны веревки, сколько нужно леса для виселицы, гвоздей, размер могил и гробов, сколько батальонов солдат и кому персонально читать приговор и т. д.

Приглашались „именитые“ господа на зрелище казней; их вызывали специальными пригласительными билетами, словно на бал или большое торжество.

И особо „почетное место“ занимали у виселиц и у „позорных“ столбов представители религии — попы, раввины и ксензы.

По окончании казней спокойно, детально и деловито составлялись акты и счета, выплачивались деньги и готовились к новым казням.

Если до 1881 г. казни производились в присутствии войск гвардии и многочисленной толпы открыто и публично „в назидание потомству“, то после казни „первомартовцев“, особенно в эпоху массовых казней (1905—1912), казни уже производились сугубо секретно, вдали от людей и войск с очень осторожным подбором и места казней.

И лишь на фронте в 1915—1916 гг. казнь за агитацию против войны производилась публично, в присутствии войск действующей армии.

Техника казней в 1826 г.

Как вешали „декабристов“ Муравьева-Апостола, Каховского, Пестеля, Рылеева и Бестужева

Суд приговорил пять „декабристов“ к смертной казни путем четвертования, т. е. путем рассечения каждого осужденного на четыре части. Четвертование было заменено повешением. Казнь совершена 13 июля 1826 г.

Полицейский надзиратель, участник казней „декабристов“, рассказывал¹:

„Получаю я предписание явиться к Княжнину, тогда он оберполицеймейстером был. Ну, думаю, вот тебе и раз! Попался. А сам не знаю, что сделал? Прихожу туда и смотрю: там еще четверо тоже помощников надзирателей: Дубинкин, Попов, Богданов и Карелин.

Выходит Княжнин. Нас так и обдало. Со страху одурели просто. Поклонились ему кое-как, ждем, что будет.

— Господа, — говорит нам Княжнин, — я считаю вас за хороших офицеров, исправных, дельных и скромных, как должны быть настоящие хорошие полицейские офицеры, знающие свое дело и обязанности.

Мы поклонились. С души то знаешь поотлегло.

— Я, говорит Княжнин, — вас из всех выбрал. Помните это. Отправляйтесь к Подушкину, плац-майору, в крепость и явитесь к нему. Вы поступаете в его распоряжение. Отправляйтесь.

Пошли мы. Приходим в крепость, явились к плац-майору Подушкину говорим: „Честь имеем явиться, присланы от господина оберполицеймейстера в ваше распоряжение“. — Хорошо, — говорит, — господа подождите...“ Через несколько времени приходит священник Петр Николаевич Мысловский, протопоп Казанского собора. Тут только мы узнали в чем дело, что ночью назначена казнь...

Подожел он к нам, а на нас напал такой страх, хуже чем у Княжнина. Лело то было не шуточное. Сидим все мы такие бледные, дрожим. На кого ни взглянешь, просто лица нет ни на ком, на себя посмотришь в зеркало — то же самое. Точно из самих к смерти приговорили. Страшно. Ночь то, я тебе говорю, прелесть такая. А после того, как узнал я, что казнить будут, взглянешь на эту ночь и еще тошнее стане на душе... Просто плакать хочется.

Так прошло несколько часов. Вышел от осужденных Мысловский. Он был очень расстроен, плакал. Бестужев, Муравьев и Рылеев исповедывались и много с ним говорили, раскаялись.

К Пестелю приходил пастор. Мысловский хотел и его напутствовать, но он отказался, а Каховский исполнил христианский долг как бы по принуждению. Не хотел чистосердечно раскаться. А эти трое исполнили как следует христианскую обязанность, в особенности Рылеев. Он заставил плакать священника и отдал ему для жены и дочери медальон и крест...

В полночь начали с'езжаться в крепость начальствующие лица: Павел Васильевич Кутузов, тогда он был генерал-губернатором, жандармский шеф, полицеймейстеры. Много приехало. Пошла такая суета, что ужас. Знаешь, приготовления все эти. Надобно тебе сказать, что и прежде все с виселицею бились, никак не могли найти, кто бы взялся строить ее. Как ты будешь ее строить, когда весь век не видал? Взялся за это Постников, полицеймейстер.

Так виселицу то и эшафот строил Постников и при нем архитектор, забыв его фамилию, немецкая Виселицу строили где-то в тюрьме, потом разобрали и ночью должны были привезти в крепость. Только, братец ты мой, долго не везут. Такая пошла суматоха. Генерал-губернатор Кутузов из себя выходит просто... Наконец привезли виселицу, начали ставить. Не так ли что-то было сделано или забыли что, не знаю; говорили потом, что будто перекладина пропала, а кто их знает, вряд ли правда. Как ей пропасть? Чтонибудь там, может, повредилось, это другое дело. Только надобно было починку произвести. Копались с виселицей долго. Как ни понукали, как ни спешили, а все уже дело то подходило ко дню. В 4 часа еще виселицу ставили...

Ввели нас в коридор, с нами был полицеймейстер Чихачев. Вслед за нами офицер привел 12 человек солдат павловского полка, с заряженными ружьями и со штыками. При исполнении казни был один только павловский полк. Других полков солдат я не видел. Привели двух палачей.

— Господа, выньте свои шпаги, — сказал нам Чихачев.

¹ В. Алгасов. „Декабризм и декабристы“. Хрестоматия. ГИЗ Украины 1925 г., стр. 210 — 216.

Мы переглянулись: зачем понадобились наши шпаги?

У меня была старая шпажонка, ржавая, с изломанным концом. Известно, у нас в полиции шпаги собственно для того только, чтобы вот висели для порядка сбоку и больше ни для чего. Я, признаться, своею, бывало, в пекче мешал, уголья подгребал, и у меня конец был совсем обожжен. Когда я вытаскивал шпагу, Чихачев захохотал.

— Ну, — говорит, — воин нечего сказать! Посмотрите - ка какой! Прелесть! Шпага - то... Шпага! Я думаю и крысы ею не заколешь.

Я был очень рад, что моя неисправность произвела только смех. Могло и достаться. Конечно, кто мог предвидеть, что нам придется вынимать шпаги? Их у нас никогда не смотрел никто. Висят себе сбоку, да висят. Отворяли двери казематов и позвали преступников. Крикнули: „Пожалуйте, господа“. Они уже были готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие шаги.

— Ну, что же, они были бледны, встревожены?

Удивительно, братец ты мой, нисколько. Совершенно спокойны. Вот как мы с тобой говорим. Точно будто шли не на смерть, а выходили вот в другую комнату, закурить трубку... Мы двигались вперед медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти идти. Когда мы перешли мост на кровверке, то увидели там солдат с ружьями, толпу преступников и два эшафота. На одном была устроена виселица. Тут я, раз в жизни, и видел виселицу. Это просто, братец мой, качели. Знаешь, как качели делают на двух столбах с перекладиной? Ну вот тебе и виселица. Качели. Только вместо доски к перекладине на веревках людей подвешат. Иной, кто не знал, что тут делается подумал бы, что тут очень весело. На кровверке во все время играла музыка Павловского полка. Я тебе говорю, погода была чудная, а тут солнце всходит и музыка играет...

— Что же виселица не была готова?

— Виселица то была готова, за нею дело не стало, а сперва исполняли приговор над остальными: снимали с них платье на эшафоте, надевали на них арестантское, ломали над головами шпаги, и все это, известно лишало дворянства и чести; шельмовали, как тогда законом было постановлено... Пستم на них надели такие мешки, которыми, они были закрыты от головы до пояса. На шею им на веревках надели аспидные доски с именами и виною их. Мы опять построились в порядок для шествия на эшафот под виселицу. Надо тебе сказать, что под самой перекладиной был сделан возвышенный помост, на него надобно было идти по деревянному, очень отлогому откосу. Мы пошли. Чихачев был при нас: это было в его команде.

— Но в этот момент, когда на них надевали мешки, они побледили? В них виден был страх?

— И ничего таки, братец мой. Я смотрел на них. Ведь вот стоял как от тебя. Первый стоял Карелин против Пестеля, я против Рылеева, потом Попов против Муравьева, Богданов против Бестужева и Дубинкин против Каховского. Мы могли хорошо видеть их лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезные, точно как обдумывали какое нибудь важное дело. Да ведь минута была серьезная, готовились ведь к смерти. Взглянули они последний раз на небо да так жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась и мороз подрал по коже.

Ты вот не поймешь этого, что это было, а я рассказать не могу. Ну, как я тебе расскажу? Мешки им очень не понравились, они были недовольны, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: „Господи, к чему это“?

Палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что, они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи...

Когда свели нас с эшафота, то поставили тут же, возле. На шею преступникам надели петли, и помост, на котором они стояли, опустился из-под ног. Так это было уже устроено. Они повисли и забились, заматались. Тут трое

средних и сорвались. Вербки лопнули, они и упали вниз. Только на краях остались висеть Пестель и Каховский. Ну, как они упали, так разбились в кровь, ведь, сам посуду, упали то с размаха.

Кутузов сперва прислал адъютанта, а потом и сам лезет, кричит, ругается, что это такое?

— И повесит не умеют¹ — кто-то крикнул из сорвавшихся, кажется Рылеев.

Вешать их, вешать скорее! — кричит Кутузов. И, боже ты мой, стал тут кричать и ругаться. Подняли опять помост и вновь накиннули петли. В это время, когда помост был поднят, Пестель и Каховский опять достали до него ногами. Пестель был еще в это время жив и кажется начал немного отдыхать...

Тут некоторые стонали, должно быть, от ушиба и боли. Их повесили опять. А говорят, вешать в другой раз не следовало. Это тоже Кутузова вина.

За рвом было немного народу. Рано было, и никто ничего не знал: оттого не собирались. Народ тоже это зашумел что то. Кутузов на них закричал, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла? Похоронный марш?

— Нет, простые марши играла и разные штуки. Прошло этак с полчаса, доктор говорит, что они давно померли. Велели их снимать. Сняли, братец ты мой, у всех вылезли предлинные языки, лица были синие такие, почти черные. Их сложили на телегу и сдали полицеймейстеру, полковнику Дершау, он был назначен хоронить их.

На день тела поставили в сарай на кронверке же. Виселицу живо разобрали. Тут и нас отпустили. Чтобы не делать наряда, Дерш у велел мне, Богданову и Дубинкину явиться к нему вечером.

Пошли мы. На дороге встретился со мною брат. Он, надобно тебе сказать, все прежде приставал, спрашивал меня, когда и где будут наказывать за бунт. Я ему говорил, что об этом верно будет объявлено и вешать будут на площади, где они бунтовались. Мы тогда все так думали. Встретил меня брат с такой претензией: что же ты, говорит, не сказал? А я и говорю: я и сам не знал.

— Где же их похоронили?

— А вот где. Знаешь ты смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Там есть немецкое кладбище, а за ним армянское. Тут есть такой переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и идти до конца переулка. Как выйдешь к взмору, тут и есть.

— Тут их всех и похоронили. Ночью их вывезли с конвоем, и мы тут шли. Распоряжался Дершау. Там потом 4 месяца караул стоял!...

Донесение царю о казни декабристов

Генерал - губернатор Голенищев - Кутузов, лично руководивший казнью, доносил царю:

„Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе тое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть, о чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

13 июля 1826 г.“

¹ В истории различно отмечено замечание Рылеева, произнесенное им после казни с виселицы:

„И так скажут, что мне ничего не удавалось, даже и умереть“.

„Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни осудить, ни вешать“.

„Я не ожидал, что меня два раза повесят“.

(Шницер. Русская история при императорах Александре и Николае, 1847).

Техника казней в 1878 г.

Сороковые и шестидесятые годы не оставили следов о технике казней в названную эпоху. Более подробные данные мы находим в эпоху казней семидесятых годов и позже, чему и посвящается этот раздел.

Заботы графа Левашева о приготовлениях к казни Ивана
Мартыновича Ковальского

„1 августа.

Приказание.

Завтра 2 августа (1878) в 4^{1/2} часа утра, исполнить приговор одесского военно-окружного суда над преступником Ковальским, который осужден к смертной казни через расстреляние.

Самый приговор привести в исполнение по распоряжению командира 15 пехотной дивизии генерал-майора Горемыкина, а доставить преступника к месту казни по распоряжению и. д. одесского военного губернатора, св. его величества графа Левашева, для чего предписываю:

1. Завтра к 3 часам утра прислать от войск 15 дивизии лазаретную карету, запряженную четверкою лошадей с двумя фурштатами и при одном унтер-офицере к месту расположения сотни казаков, квартирующих против юнкерского училища.

2. Для напутствования преступника назначить священника от одного из полков 15 дивизии, за которым прислать экипаж в 2^{1/2} часа утра, а затем к 3^{1/2} часам утра привести священника к расположению сотни у юнкерского училища, где священник должен явиться к полковнику Янову, командиру донского № 7 полка.

3. По распоряжению графа Левашова, сотня казаков, квартирующая против юнкерского училища, вместе с лазаретным фургоном, священником, а также с 6 жандармами, находящимися при сотне, прибывает к 4 часам утра к тюремному замку, где, взяв преступника Ковальского, конвоирует его до места казни. Жандармы должны быть посажены вместе с преступником в лазаретную карету.

4. Для указания конвоирующей сотне дороги от лагеря до места казни, выставить к 4 час. утра, у въезда на лагерное поле, двух конных полевых жандармов, которые и сопровождают конвой до места казни.

5. Казнь исполнить согласно существующих постановлений, по ближайшему распоряжению генерал-майора Горемыкина, на которого возлагается и принятие всех мер к сохранению порядка в окрестностях места, избранного для казни, согласно данных мною словесных указаний, для чего кроме пехоты, в его распоряжение назначаются 7 уланский полк и конвоирующая сотня, по прибытии ее с преступником*. („Каторга и ссылка“ № 45. — 46, стр. 108 — 192, 1928 года).

Техника казней в 1879 г.

„Ритуал“ казни Дубровина

(20 апреля 1879 г.)

Секретно.

„Начальнику 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Утвержденный временнокомандующим войсками смертный приговор над государственным преступником Дубровиным будет приведен в Петропавловской крепости на валу левого полуконграрда Иоанновского рavelия 20 сего апреля (1879) в 10 часов утра.

Общее наблюдение за приведением приговора сего в исполнение и охранение при этом порядка генерал-адъютант Гурко поручает вашему сиятельству.

За два часа до совершения казни в крепость должны прибыть два батальона л.-гв. московского полка и рота 86-го Вильманstrandского полка, а кадровый батальон будет в готовности к выступлению из казарм вслед за вашим требованием.

Независимо от сего, по случаю необходимости усиления наряда войск, Л.-г. в. ренадерский полк должен для большей готовности к выступлению из казарм, производить на своем дворе учебные занятия; три батальона, если не получат от вас особого приказа, обязаны следовать один — к церкви св. Троицы, выделив роту к Сампсониевскому мосту, другой — на угол Кронверкского и Каменоостровского проспектов, третий — к Сытной площади, четвертый же батальон должен оставаться в казармах.

Преступник от места заключения до места казни будет перевезен на колеснице в сопровождении одной роты кадрового батальона; он должен быть зарыт в могилу, вырытую по распоряжению коменданта близ виселицы. Приглашение священника и доктора, равно как доставление надломленной сабли, поручено коменданту, а эшафот, виселица, палач, колесница с лошадьми и рубашка будут приготовлены распоряжением градоначальника.

Перевоз через Неву в час казни будет прекращен, а для командиремых с приказами доверенных лиц будут иметься казенные катера: один при комендантской пристани, а другой — у пристани против крепости на городской набережной.

Порядок размещения войск представляется благоусмотрению вашего сиятельства, а усиление караулов — соглашению с комендантом, при чем в ваше распоряжение командирован от окружного штаба полковник Пузыревский.

Для охранения порядка в ближайшей к крепости местности, в распоряжение градоначальника назначены два эскадрона Л.-гв. сводно-казацкого полка, из которых один первоначально будет поставлен в петровской части, а другой — на береговой дороге, идущей от крепости к Тучкову мосту, при самом выходе ее из крепости.

Для посылок и раз'ездов в ваше распоряжение придут в крепость десять казаков при офицере.

Войска должны быть в караульной форме и амуниции, имея шинели в рукавах. О приведении приговора в исполнение следует составить акт в порядке, определенном 1041 ст. XXIV книги Свода военных постановлений.

Для прочтения приговора на месте казни благоволите назначить офицера, а об его совершении донести через нарочито командированного офицера генералу Гурко, который будет находиться в штабе округа.

Начальник штаба генерал-ад'ютант князь Имеретинский.

Смертник Дубровин у эшафота несколько раз произносил речи перед солдатами, но горнисты и барабанщики заглушали его голос, о чем была послана следующая телеграмма штабу округа от 27 апреля 1879 г. за № 49:

— „20 апреля (1879) экзекуционный марш играли по приказанию коменданта крепости, чтобы заглушить крик возмутительных речей преступника, обращенных к солдатам и к публике, и пение песен возмутительного содержания.

Поручик Горожанин“.

Через три дня после казни Дубровина по приказанию генерал-губернатора Гурко, гроб с телом Дубровина был выкопан и передан полицеймейстеру Григорьеву для погребения на одном из городских кладбищ. О чем была выдана следующая эквитанция:

„Квитанция

Дана сия мною комендантскому управлению в приеме тела с гробом казенного преступника Владимира Дубровина. Апрель 23 дня 1879 г.

Майор Григорьев“.

„Богатый“ казнями 1879 год, когда Александр II не зная иного „наказания“ для смертельных своих врагов — членов партии „Народной воли“, кроме виселицы, и когда царские опрашники применяли эту меру наказания каждый по своему усмотрению и по своему, по разному, хоронили казненных „преступников“, генерал Гурко, посчитал „за благо“ составить специальную инструкцию „как вешать“ и „как хоронить“ казненных, что по его мнению, будет и „разумно“ и „законно“. Помещаемые ниже инструкции были отправлены генералом Гурко 30 апреля 1879 г. коменданту петербургской крепости:

„Порядок исполнения смертных приговоров

Временно командующий войсками, в видах более правильного и однообразного исполнения приговоров петербургского военно-окружного суда над преступниками, присужденными к смертной казни, установил следующие правила:

1. Перед совершением казни к осужденному приглашать духовное лицо его вероисповедания для приготовления, смотря по правилам его вероисповедания, или к исповеди, к святому причащению, или только к покаянию и молитве.

2. На месте казни, назначаемой каждый раз по распоряжению высшего начальства, устраивать эшафот с позорным столбом и виселицею, если преступник осужден к повешению.

3. Войска, наряженные находиться при исполнении приговора, приводятся на место казни в день самой казни заблаговременно, до привода осужденного, и становятся по сторонам эшафота по распоряжению начальника, назначенного для приведения приговора в исполнение.

4. Осужденного привозить на место казни на особых дрогах, одетым сверх нижнего белья в черной блузе, черной фуражке без козырька и сапогах. Он должен сидеть на высокой скамейке со связанными руками веревкою, привязанною к перилам скамейки, тылом к лошадям и с надписью на груди на черной доске о роде вины его.

5. Осужденный следует на место казни, как выше было объяснено, на дрогах, впереди которых идут жандармский офицер с двумя позади его жандармами, взвод пехоты. За тем следуют дроги с преступником, имея по сторонам нижних чинов от той роты, которая сопровождает преступника. Позади колесницы следуют священник с крестом в руках, должностные лица, два палача и два взвода пехоты с четырьмя горнистами и барабанщиками, которые играют экзекуционный марш по приказанию своего начальника, в том случае, если преступник будет что-либо говорить или кричать.

6. По прибытии осужденного на место казни, войска берут „на плечо“ по команде начальника, приводящего приговор в исполнение, преступник отвязывается палачами от перил ска-

мейки, сводится ими с дрог и ставится на середине между входом на эшафот и войсками, стоящими перед упомянутым входом и с боков с надлежащим караулом около преступника. Затем по команде начальника, приводящего приговор в исполнение, войска берут „на караул“, и офицер по его назначению читает приговор во всеуслышание.

7. По прочтении приговора, по команде того же начальника, войска берут „на плечо“, а преступник сводится палачами на эшафот, становится к позорному столбу на десять минут, потом палачи надевают на преступника мешок, и затем приговор окончательно приводится в исполнение, при чем духовное лицо, сопровождавшее преступника на место казни, остается при нем до исполнения приговора, напутствуя преступника к открывшейся пред ним здесь или в ином мире новой жизни, то-есть священник обязательно уходит в то время, когда на преступника начнут одевать мешок.

8. Если преступник будет повешен, то он снимается с виселицы палачами по приказанию начальника, приводящего приговор в исполнение. Преступник, который расстрелян, должен быть освидетельствован тотчас у того позорного столба, у которого был расстрелян, и затем, если он будет найден мертвым, отвязывается и закапывается в могилу (если в крепости, то предварительно в гробу). При чем медик ощупывает пульс казненного, и, если он перестал уже жить, приводящий в исполнение приговор приказывает палачам отнести труп к могиле, которая также должна быть заранее вырыта на месте, указанном начальником, приводящим приговор в исполнение, вместе с устройством эшафота, где и зарыть в землю.

9. Если преступник во время исполнения приговора станет что-либо говорить или кричать, барабанщики, по приказанию начальника, приводящего приговор в исполнение, бьют дробь.

10. Об исполнении обряда публичной казни составляют особый протокол за подписью того военного начальника, который приводил приговор в исполнение, и скрепою лица, читавшего приговор во всеуслышание.

11. По исполнении всего вышеизложенного, войска распускаются, а палачи уводятся под конвоем городских.

Вместе с тем генерал-ад'ютанту Гурко угодно было приказать, чтобы один из плац-ад'ютантов вверенной вашему высокопревосходительству крепости по вашему избранию был назначен для постоянного наблюдения за исполнением упомянутых приговоров согласно правил.

Справка. К обязанности управления коменданта крепости относится вырытие могилы, приготовление надломленной шпаги или сабли, командирование священника и доктора.

Начальник штаба генерал-ад'ютант князь
Имеретинский“.

Инструкция, как хоронить казненных

Циркулярно.

Временно командующему войсками гвардии и петербургского военного округа

В видах устранения встречаемых на практике недоразумений относительно порядка и места погребения тел казенных преступников, по соглашению временного министерства с министерством внутренних дел и юстиции, признаю необходимым установить по настоящему предмету нижеследующие правила:

По совершении казни и удалении всех присутствующих тело казенного, по распоряжению начальства, заведующего исполнением приговора, отправляется в приготовленном заранее гробе на ближайшее кладбище и притом прямо на заранее же вырытую могилу, где и предается по установленным для того церковным обрядам того вероисповедания, к которому принадлежит казенный. При препровождении тела и при самом погребении оного могут находиться только ближайшие родственники казенного.

При погребении не допускается произнесение речей и каких бы то ни было заявлений, как сочувственных, так и не сочувственных памяти казенного.

Точное исполнение этих правил возлагается на ответственность местного полицейского начальства.

О вышеизложенном по поручению г. военного министра имею честь сообщить вашему высокопревосходительству для руководства в подлежащих случаях по вверенному вам округу.

Главный военный прокурор (подпись неразборчива).

4 сентября 1879 г.

Как вешали Брандтнера, Осинского и Свириденко 14 мая 1879 г., Киев

Протокол.

Вследствие приговора киевского военно-окружного суда о прусском подданом Людвиге Брандтнере, о неизвестном, назвавшем себя Антоновым и о дворянине Валериане Осинском, утвержденного киевским, подольским и волыньским генерал-губернатором генерал-адъютантом Чертковым 2-м, 12 текущего мая, они, — Людвиг Брандтнер, Антонов и Валериан Осинский, — сего числа в 9 часов 45 минут дня были приведены в сопровождении конвоя на место казни, на поле между Старо-Житомирской почтовой дорогой и кладбищем в одной версте от тюремного замка, где, по прочтении во всеуслышание означенного приговора, они — Брандтнер, Антонов и Осинский — согласно вышеприведенному приговору, в 10 часов утра, перед строем присутствовавших войск, а именно: 128 пехотного старосельского полка, 41 резервного пехотного кадрового батальона и двского казачьего № 12 полка подвергнуты смертной казни через повешение, после чего тела казенных, по медицинском освидетельствовании, преданы погребению.

Подписали:

Приводивший в исполнение и. д. начальника местных войск киевского военного округа генерал-майор Кравченко.

Читавший приговор полковой адъютант 128 Старосельского пехотного полка подпоручик Сарчинский¹.

¹ Киевлянин № 58, 17 мая 1879 г.

Публичная казнь А. К. Соловьева¹

Приговор над Соловьевым был приведен в исполнение 28 мая 1879 г. в 10 час. утра на смоленском поле, в Петербурге.

В этот день с раннего утра сюда стали стекаться огромные толпы народа, обложившие поле со стороны среднего проспекта Васильевского острова. Точно так же весь путь, по которому ожидался проезд колесницы с осужденным, в особенности большой проспект, был буквально запружен публикой. Желание увидеть печальное зрелище было так велико, что некоторые из них явились сюда даже с маленькими детьми.

В 9½ часов утра на место казни прибыли: и. о. генерал-прокурора верховного суда министр юстиции статс-секретарь Д. Н. Набоков, прокурор судебной палаты А. А. Лопухин, товарищ прокурора судебной палаты А. В. Белостоцкий, градоначальник Зуров и комендант города Адельсон. В 9 час. 50 мин. показалась колесница с преступником. Впереди ехала в двух колоннах сотня л.-гв. казачьего атаманского полка, а за нею рота л.-гв. гренадерского полка. Затем следовала колесница, окруженная цепью конных жандармов. Колесница с дороги свернула на поле, по направлению к эшафоту. Войска раздвинулись, чтобы впустить в каре колесницу, которая, под'ехав к самому эшафоту, остановилась перед ведущей к нему лестницей. Соловьев сидел на скамейке спиной к лошадям, при чем руки его были перевязаны сзади веревкою и прикреплены к прутьям ремнями. На нем было платье, в которое обыкновенно одевали арестантов, принадлежавших к привилегированному сословию, именно: черный сюртук из толстого солдатского сукна, черная фуражка без козырька и белые панталоны, влетые в голенища сапог. На груди у него висела большая черная доска, на которой были начерчены слова: „Государственный преступник“.

Едва колесница остановилась, к Соловьеву быстро подошел палач, назначенный к совершению казни. На нем была надета красная рубаха, а поверх нее черный жилет с длинною золотою цепью от часов. Подойдя к Соловьеву, он стал быстро отвязывать ремни и затем помог ему сойти с колесницы. Соловьев, сопровождаемый палачем, твердой поступью вступил на эшафот и с тем же, как казалось, самообладанием поднялся еще на несколько ступеней и занял место у позорного столба, с завязанными позади руками. Палач стал рядом, правее него, а у самого помоста находились два его помощника, на случай надобности. Раздалась команда „на караул“, палач снял с Соловьева шапку, офицеры и все служащие лица гражданского ведомства, бывшие в мундирах, подняли руки под козырек. В это время прокурор Белостоцкий громким голосом читал резолюцию верховного суда.

Как только окончилось чтение приговора, к эшафоту приблизился священник в траурной рясе, с распятием в руках. Сильно взволнованный, еле держась на ногах, приблизился служитель церкви к Соловьеву, но последний киванием головы заявил, что не желает принять напутствия, произнеся не особенно громко: „не хочу, не хочу“.

Наступил последний момент. Хор барабанщиков, бывших при каждом батальоне, заиграл учащенную дробь. Ровно в 10 ч. утра на Соловьева, спустившегося на несколько ступенек от позорного столба, надета была палачем длинная белая рубаха, голова покрыта капюшоном, длинные рукава, обмотанные вокруг тела, были привязаны спереди. Процесс введения осужденного на роковую скамейку, накинута петля, скрепление ее и затем выбитая из-под ног скамейка—было делом нескольких секунд. В 10 ч. 22 м. гроб был внесен на эшафот, труп казненного палачем и его помощниками снят с виселицы и уложен в гроб. Вслед затем гроб был заколочен, уложен на под'ехавшую однокозную телегу и отправлен для погребения“.

Так описывает казнь Соловьева один из репортеров газеты „Новое Время“, имевший возможность рассмотреть все подробности этой казни на близком расстоянии.

¹ А. А. Кункль. „Покушение Соловьева“, 1929 г., стр. 79.

Техника казней в 1880 г.

Как вешали Ипполита Млодецкого

„Протокол.

1880 года февраля 22 дня вследствие предписания начальника штаба войска гвардии и петербургского военного округа от 21 сего февраля за № 778 я привел в исполнение утвержденный главным начальником верховной распорядительной комиссии приговор военного суда над государственным преступником Млодецким (Млодецкий) на Семеновском плацу перед строем войска и при огромном стечении народа. Преступник был привезен на место казни сего числа в 11 часов утра на дрогах в сопровождении священника и конвои.

По снятии преступника с дрог, он был поставлен у эшафота, и затем прочитан приговор во всеуслышание, после чего преступник был поставлен к позорному столбу на 10 минут.

По прошествии законного времени ему была надета рубашка, и он подвергнут смертной казни через повешение.

Через 30 минут палач снял преступника, который, по освидетельствовании медиком, нашедшим его уже мертвым, был положен в гроб, и тело его отправлено на Преображенское кладбище для предания земле по обряду православного вероисповедания.

Командир 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майор (подпись неразборчива).

Читал приговор бригадный адъютант поручик Ильин.

О казни Квятковского и Преснякова

3 ноября 1880 г. комендантом крепости получен следующий приказ:

„Временно командующий войсками, утвердив приговор военного суда над государственными преступниками Квятковским и Пресняковым, присужденным к смертной казни через повешение, приказал:

1) Привести приговор над упомянутыми преступниками в исполнение 4 сего ноября (1880) в 8 часов утра во вверенной вашему высокопревосходительству крепости на валу полуконтргарда Иоанновского рavelина;

2) нарядить для конвоирования преступников на место казни пол роты от кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка и пол эскадрона от лейб-гвардии сводно-казачьего полка, которым и прибыть в ваше распоряжение 4 сего ноября к 7½ часам утра;

3) общее наблюдение за хранением порядка при следовании преступников и совершении казни возложить на ваше высокопревосходительство;

4) для сопровождения преступников к месту казни и присутствования при последней пригласить священника и доктора по распоряжению вашего высокопревосходительства;

5) ныне же допустить священников к увещанию преступников и

6) в видах сохранения возможно больше порядка при следовании преступников к эшафоту и совершении казни, воспретить проезд частных лиц через крепость с 6 часов до окончания казни.

Собщая об этом вашему высокопревосходительству, присовокупляю, что при совершении казни генерал-адъютантом Костанда приказано находиться с петербургскому второму коменданту.

Начальник штаба генерал-адъютант князь Имеретинский.

Согласно приказа по войскам гвардии был таков порядок расположения войск к моменту казни Квятковского и Преснякова:

„Первый батальон: 3 роты по краям у места казни на бастионе левого полуконтргарда Иоанновского рavelина, а 4-я на Кронверкском мосту;

второй батальон колоннами—на площадке между Иоанновским и Петровским мостами;

третий батальон — на Иоанновском мосту правым флангом к Троицкой площади, а левым—к воротам;

четвертый—по шоссе на дороге кронверкского пролива правым крылом к кронверку и тылом—к парку;

пол-эскадрона казаков—у Екатерининской куртины, откуда он следует впереди позорной колесницы до Иоанновского равелина и тут выстраивается на площади¹.

Подробности казни Квятковского и Преснякова

....Осужденные были одеты в черную арестантскую одежду поверх полшубков; на груди каждого из них привязана была традиционная черная доска с надписью „Государственный преступник“.

Палач Фролов с помощью своих подручных (Кулагина, Лаврентьева, Юзвяка и Иванова) ввел осужденных на площадку полуконтргарда равелина со связанными назад руками и поставил обоих в расстоянии одного шага от перекладины виселицы; А. К. Пресняков был поставлен с левой стороны, А. А. Квятковский—с правой.

Осужденные успели нагнуться друг к другу, чтобы в последний раз обменяться предсмертным товарищеским поцелуем...

Палач Фролов быстро накинул на каждого из них белые саваны: сначала на Квятковского, а затем на Преснякова.

Первым был взведен на роковую скамейку А. Пресняков, а через минуту после него — на ту же скамейку палач поставил Квятковского.

Казнь была закончена в 8 часов 10 минут утра 4 ноября 1880 г.

Все вещи, кроме денег, оставшиеся после казненных в канцелярии тюрьмы, согласно установившемуся в крепости обычаю, были сожжены, в присутствии свидетелей в арестантской бане арестантского помещения трубецкого бастиона крепости; деньги А. Квятковского были переданы его родным, а деньги А. Преснякова „за отсутствием родных“ комендант крепости, с разрешения и одобрения директора департамента полиции фон-Плеве, роздал солдатам и жандармским унтер-офицерам, караулившим А. Преснякова в его камере в Екатерининской куртине крепости. Кроме того, солдатам и жандармским унтер-офицерам, несшим караул в казематах смертников с разрешения того же директора департамента полиции, комендантом генералом Корсаковым было выдано за их „труды“ 150 рублей (их всего было 23 человека)¹.

Счет петербургского градоначальника за произведенную казнь Квятковского и Преснякова

„По поводу приведения в исполнение приговора с.-петербургского военнокругного суда над государственными преступниками Квятковским и Пресняковым представилось необходимым произвести следующие расходы:

на устройство эшафота и разборка одного	205 р. 30 к.
на погребение тел казненных	44 р. 90 к.
на отправленне в Москву заплечного мастера и за вознаграждение ему	81 р. —
на разные мелкие расходы	19 р. —

Итого . . . 350 р. 20 к.

которые и позаимствованы из сумм градоначальства.

Представляя об этом на благоусмотрение вашего сиятельства, имею честь покорнейше просить не будет ли признано возможным сделать распоряжение об отпуске в ведение мое трехсот пятидесяти рублей 20 копеек на покрытие позаимствования.

¹ „Палач Иван Фролов и его жертвы“—Д. Г. Венедиктов. М. 1930 г., стр. 68—69.

Техника казней в 1881 г.

Как вешали „первомартовцев“

(Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова и Рысакова)

В журн. „Былое“ № 15, 1920 г. была напечатана поправка к официальному отчету, помещенному в том же журнале (в номерах 10 и 11 1920 г.) о казни первомартовцев. Так как эта поправка написана очевидцем, присутствовавшим при казни, приводим ее здесь полностью без изменений:

„В номерах 10—11 журн. „Былое“, посвященных 1 марта 1881 г., помещен официальный отчет о казни пяти первомартовцев 3 апреля того же года в С. Петербурге на Семеновском плацу. По обязанности службы мне пришлось присутствовать на этой казни, при чем я находился в 20—30 шагах от эшафота. Видеть казнь мне довелось в первый раз в жизни. Она произвела на меня сильное впечатление, и все подробности глубоко врезались в память.

В официальном отчете о казни есть существенный пропуск и несколько характерных неверностей. Полагаю, что читатели „Былого“ заинтересуются ими. За точность передаваемого ручаюсь, так как видел все своими глазами, а не говорю с чужих слов.

В то время Семеновский плац не был застроен, как теперь: тир, беговой круг, здания инженерного ведомства, все это возникло значительно позже, а в 1881 г. плац представлял огромную пустую площадь. 3 апреля на ней толпились несметные массы народа: люди сидели также на крышах семеновских казарм, стационных зданий и вагонов Царскосельской ж. д.

Первым был повешен, как указано в отчете, Кибальчич, при чем, повидимому, от быстрого, резкого выдергивания ступенек из-под ног и от тяжести тела произошло повреждение спинных, точнее, шейных позвонков, и смерть была моментальной, без всяких судорог.

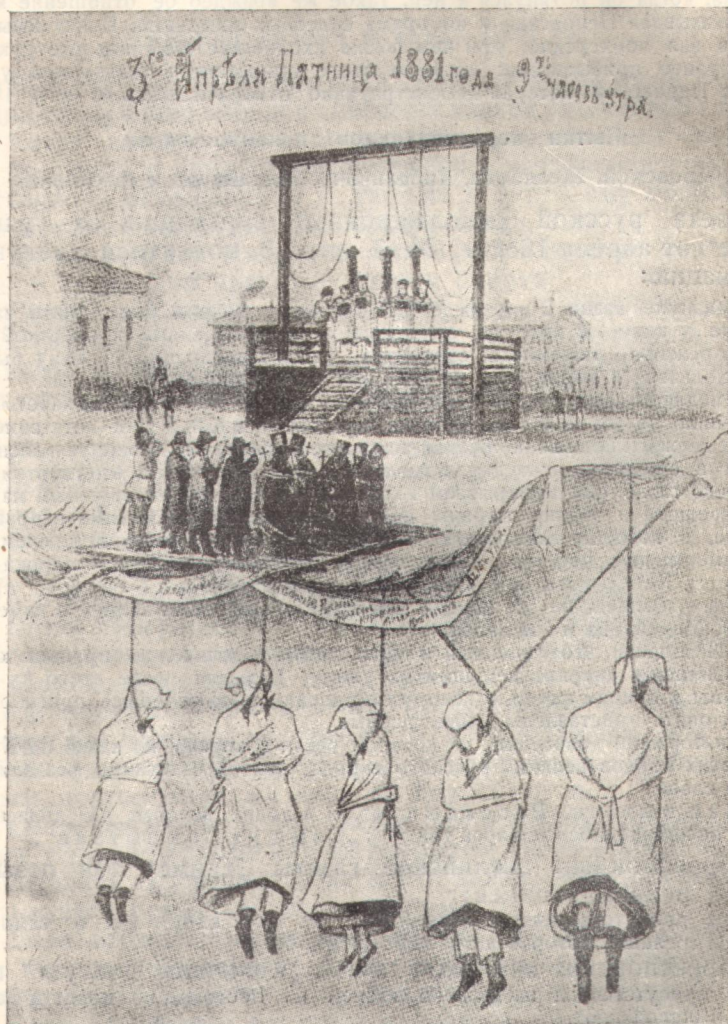
Вторым был повешен Михайлов. Вот тут то и произошел крайне тяжелый эпизод, вовсе не упомянутый в отчете: не более как через одну-две секунды после вынута скамейки из-под ног Михайлова, петля, на которой, он висел, рзорвалась, и Михайлов грузно упал на эшафотную подстилку. Гуд точно прибой морской волны, пронесся по толпе; как мне пришлось слышать потом многие полагали, что даже по закону факт срыва с виселицы рассматривается, как указание свыше от бога, что приговоренный к смерти подлежит помилованию; этого ожидали почти все.

Несмотря на связанные руки, на саван, стеснявший его движения, и на башлык, мешавший видеть, Михайлов поднялся сам и лишь направляемый, но не поддерживаемый помощником палача, взшел на ступеньки скамейки, подставленной под петлю палачем Фроловым. Последний быстро сделал новую петлю на укрепленной веревке и через 2—3 минуты Михайлов висел уже вторично. Секунда, две... и Михайлов вновь срывается, падая на помост. Больше прежнего зашумело море людское! Однако палач не растерялся и, повторив уже раз проделанную манипуляцию с веревкой, в третий раз повесил Михайлова. Но заметно было, что нравственные и физические силы последнего истощились: ни встать, ни подняться на ступеньки без помощи сотрудников Фролова он уже не мог.

Медленно завертелось тело на веревке. И вдруг как раз на кольце под перекаладиной, через которое была пропущена веревка, она стала перетираться, и два стержнея конца ее стали быстро и заметно для глаза раскручиваться. У самого эшафота раздались восклицания: „Веревка перетирается! Опять сорвется!“. Палач взглянул вверх, в одно мгновение подтянул к себе соседнюю петлю, взлез на скамейку и накинул на висевшего Михайлова. Таким образом тело казненного поддерживалось двумя веревками¹, что и показано совершенно ясно на рисунке, сделанном фотографом Несветевичем.

¹ Эта шестая петля предназначалась для Геси Гельфман, казнь которой была отсрочена, а потом заменена каторгой (см. раздел „Неказненные смертники“).

Весь этот эпизод в официальном отчете пропущен, вероятно умышленно. Рысаков упорно цеплялся ногами за скамейку, как это и указано в отчете. Помощники палача, опасаясь повидимому, повторения того, что было с Михай-



Казненные: Рысаков, Желябов, Перовская, Михайлов и Кибальчич

Рисунок с натуры А. Несветевича

ловым, выдерживали скамейку крайне осторожно и медленно. Тогда же Фролов и толкнул вперед тело Рысакова, при чем ноги его соскользнули с табуретки.

Перовская, все время крепившаяся и имевшая бодрый вид, слала в последние минуты; силы, а быть может и сознание начали покидать ее; помощники вынуждены были энергично поддерживать ее под руки при поднятии на скамейку и во время надевания петли.

Остается исправить еще одну неточность официального отчета: на эстафете поцелуями простились не только Желябов и Михайлов с Перовской, но и все осужденные друг с другом, и одна только Перовская ствернулась от Рысакова, когда он потянулся к ней. Такое же враждебное отношение к Рысакову выказывала Перовская и во время судебных заседаний. Подсудимые вводились в зал поочередно, при чем позже входившие обменивались рукопожатиями с ранее прибывшими; не было этого приветствия только между Рысковым и Перовской, которая демонстративно отворачивалась от него.

В. К.

Пытки „первомартовцев“ накануне казни

(Перовской, Желябова, Кибальчича, Михайлова и Рысакова)

Газета русской революционной эмиграции за границей „Набат“ от апреля 1881 г. № 3, стр. 3 поместила следующую информацию:

„Накануне казни 2 апреля (1881) в 8 часов вечера были сняты часовые, стоявшие у камер, в которых содержались приговоренные к смертной казни, по распоряжению тюремного смотрителя строго воспрещалось кому бы то ни было находиться в коридорах, по которым расположены эти камеры.

Немедля по снятии часовых к тюремному зданию под'ехали две кареты: из каждой вышло по два человека; один из них был военный, а трое — статские. Двое статских держали под мышкой какой-то сверток, обернутый в черную клеенку, величиною в среднюю шкатулку, и желая, повидимому, скрыть эти свертки от постороннего глаза, они прикрывали их длинными плащами, накинутыми на плечи.

Вошедшие в здание тюрьмы все четверо быстрыми шагами направились к камере, в которой заключался Кибальчич. Военный отворил ключом дверь этой камеры; все четверо вошли туда и пробыли там около сорока минут. Из камеры Кибальчича они вошли в камеру Желябова, в которой пробыли около часу. Вышедшие из камеры Желябова, они отправились в камеру Перовской, Михайлова и Рысакова.

В 11½ часов этот военный и три статских мгновенно прошли коридор и направились к дверям, ведущим на улицу. Немедля после этого их выход из тюрьмы к дверям камер, в которых помещались заключенные, приговоренные к казни, опять приставлены были часовые.

С каторжной колесницы, на которой везли 3 апреля на казнь пять мучеников, этих борцов великих русского народа, ясно и отчетливо раздались следующие слова:

„Нас пытали. Расскажите“, а в толпе, которая находилась недалеко от виселицы, послышалось трижды: „Слышите, их пытали!“...

Корреспондент английской газеты „Таймс“ так отзывался о казни первомартовцев:

„Все присутствовавшие отзываются об этой казни как о самом безобразном зрелище, которое когда-либо видно было“.

Корреспондент немецкой газеты „Кельнише Цайтунг“ писал: „Я присутствовал на дюжине казней на Востоке, но никогда не видел подобной живодеи“.

С казнью первомартовцев, закончилась эпоха казней публично. Казни в дальнейшем, как мы увидим ниже, совершались втайне сугубо секретно, главным образом на рассвете, за исключением некоторых случаев публичной казни в 1905—1906 гг., совершенных экзекутором Ренненкампфом по Сибири и Забайкалью.

Однако, после отмены публичных казней, в семидесятых и восьмидесятых годах присутствовать во время казней, кроме обязательной „тройки“: палача, попа и прокурора, разрешалось не более, как 10 человекам „именитых“ господ (купцов и поме-

щиков), которые лелеяли мечту получить кусочек веревочки после совершения казней политических „преступников“. А веревочка, по их мнению, сильно „помогала в игре в карты“.

Техника казней в 1892 – 1905 гг.

Царь Александр III, за два года своей смерти (4 июля 1892 г.), утвердил следующий порядок смертных казней отсечением головы:

1. Когда должна быть приведена в исполнение смертная казнь, приговор о сем, по распоряжению начальника губерний, прочитывается осужденному в тюрьме и затем ему объявляется день, в который он будет подвергнут казни.

2. До исполнения смертной казни, осужденному дается достаточное время для приготовления к смерти.

3. Смертная казнь не совершается над беременною женщиною, но отлагается до выздоровления ее после родов, точно также казнь не исполняется над лицом, которое по болезни, не в состоянии приготовиться к смерти, впредь до поправления его здоровья.

4. В случае нежелания приговоренного к смертной казни приготовиться к смерти, казнь, несмотря на это, должна быть приведена в исполнение.

5. Без уважительных к тому причин, запрещается откладывать исполнение смертного приговора или возвращать осужденного в тюрьму по прибытии его на место казни.

6. Казнь совершается по предписанию начальника губернии, под наблюдением и присутствии заведывающего тюрьмою, тюремного проповедника или того, кем арестант был приготовлен к смерти, тюремного или другого назначенного к сему врача, чиновника для ведения протокола о происходящем при казни и вообще лиц, которые будут для сего назначены начальником губернии, посторонние же лица не допускаются.

7. Смертная казнь совершается посредством отсечения головы на тюремном дворе или на закрытом месте вблизи тюрьмы. До приведения осужденного на место казни, смертный приговор прочитывается присутствующим лицом.

8. Если осужденный, до выхода его на место казни, попросит какого-либо напитка, то в сем отказывать не следует, но при этом нельзя позволять ему напиваться до охмеления.

9. Тело казненного негласно предается земле на кладбище.

10. По исполнении смертного приговора начальник губернии доносит о том сенату...

Как вешали Лекерта

28 мая 1902 г. виленский вице-губернатор Балясный телеграфировал министру Плеве:

„Сегодня в 2½ часа утра совершена казнь Лекерта. Прошу указания, напечатать ли кратко в местных газетах“.

В специальном донесении на имя министра Плеве от 31 мая 1902 г. за № 2217 Балясный сообщил мельчайшие подробности как о технической подготовке к казни, так и о самой казни Леккерта.

«Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что для приведения в исполнение приговора виленского военного окружного суда над осужденным Лекертом (он же Лекух) исполнено следующее:

В ночь с 27 на 28 мая в 12 часов был отправлен на место приведения приговора в исполнение изготовленный в исправительном арестантском отделении эшафот с принадлежностями. Место казни было избрано близ военного поля в местности, достаточно удаленной от предместий города. Для сопровождения эшафота наряжено было 4 полицейских чина не в полицейской форме, которые, взяв подводу со двора пожарной команды, явились с нею во двор арестантского отделения и оттуда с шестью служителями этого отделения также в штатском платье к часу ночи доставили таковую на место казни, где, при помощи наряженной для этого команды нижних чинов войск, и соорудили эшафот, под руководством вольнонаемного мастера, и приготовили могилу. Сопровождали повозку два конных стражника, ехавшие позади на расстоянии, образуя с местностью.

По соглашению с военным начальством два полка пехоты, назначенные присутствовать при казни, явились на указанное накануне место тоже к часу ночи, так что все работы производились в присутствии войск.

В час ночи из губернской тюрьмы отправлен на место казни палач Александр Филиппов, в закрытой карете, под конвоем трех нижних чинов конвойной команды и околоточного надзирателя, которые прибыли туда вслед за подводой с эшафотом, а Филиппов принимал участие в приготовлениях.

К 2 часам ночи прибыли товарищ прокурора виленского окружного суда Вендланд с секретарем суда, городской врач Янковский и командированный мною чиновник особых поручений при губернаторе Долгово-Сабуров.

В 1 ч. 30 м. ночи в номер 14-й бывшей виленской цитадели, где содержался Лекерт (он же Лекух), прибыл виленский казенный раввин Немзер с помощником полицмейстера. В 2 ч. 15 м. Лекерт был вывезен в закрытой карете с тремя нижними чинами конвойной команды и раввином. Впереди следовал помощник полицмейстера, а за каретой 30 казаков при одном офицере. К месту казни Лекерт был приведен в то время, когда все приготовления были окончены и лица, обязанные находиться при приведении приговора в исполнение, были в сборе. Лекерт тотчас же был введен в каре войск и пред'явлен товарищу прокурора.

Секретарем суда был прочитан приговор при свете восходящего солнца. Было совершенно светло, и виден горизонт и все близлежащие и отдаленные предметы. После прочтения приговора раввин обратился к приговоренному с увещанием раскаяться. Приговоренный держал себя несколько цинично, на увещания раввина упорно молчал, видом выражая нежелание слушать. Затем товарищ прокурора предложил палачу привести в исполнение приговор.

В 2 ч. 38 м. Лекерт был взведен на эшафот и повешен. По требованию врача труп оставался на виселице 20 минут, после чего снят, и врач констатировал смерть; казенный зарыт был в приготовленную могилу. Место могилы и эшафота сравнено и приведено в прежний вид. Части войск отпущены вслед за отъездом Филиппова и лиц, участвовавших в исполнении приговора. Виселица и эшафот порублены на части, отвезены в отдаленную часть предместья Антоколь и там сожжены. За местом казни имеется наблюдение полиции.

К сему имею честь присовокупить, что как час совершения казни, так и весь остальной порядок были установлены по соображению с местными условиями и по соглашению с прокурорами судебной палаты и окружного суда, а также с командиром 27 пехотной дивизии генерел лейтенантом Скугаревским.

Все распоряжения по наблюдению за внешним порядком, а также по приведению в исполнение заранее составленного расписания действий возложены были на помощника полицеймейстера Генисаревского, задача которого в значительной степени была облегчена тем, что генерал-лейтенант Скугаревский нарядил воинскую команду для установки эшафота, так как найти для этого наемных рабочих без разглашения часа казни едва ли было возможно.

Техника казней в годы реакции, 1906—1931 гг.

Подбор места казней

Массовые казни вынуждали правительство скрывать от населения правду о казнях, почему все казни совершались сугубо-секретно, не публично, а за городом или в крепостях и темных закоулках тюрем, куда допускались лишь лица, имеющие на то право, а именно: из представителей прокуратуры, комендатуры города или крепости, представители градоначальства или губернатора, полиции, лиц религиозных культов и, наконец, технические исполнители казней—палачи.

Вопросами об удобствах казни (в годы реакции 1906—1913), пригодности места и безопасности для исполнителей ее занимались начиная от директора департамента полиции Курлова до городского. Генерал Курлов составлял проект удушения веревками людей так же просто, как кабатчик составлял меню к обеду для столующихся.

Исполнители и руководители казней понимали, что творят дело, за которое нужно ждать возмездия с часу на час. Опасаясь преследований и мести, они выбирали глухие места для казни, время ночи и рассвета, когда никто из посторонних не мог за ними наблюдать.

„По прибытии на место казни никого из посторонних не оказалось“.

„Во время производства казни, никого из посторонних не находилось“.

„На обратном пути лиц и судов, наблюдавших за флотилией, не было“ и т. д.

Так докладывалось начальству каждый раз о казнях на „Лисьем Носу“ близ Петербурга в 1906—1908 гг.

Когда вопрос о фактических исполнителях разрешался, и палач был налицо, возникали не менее сложные вопросы о лицах, долженствующих технически подготовить и провести казнь: по постройке эшафота, рытью могил, уборке трупов и пр. Все это являлось предметом особых хлопот, забот, „деловой переписки“, телеграфных переговоров и установления особых расценок.

Деловая переписка о подборе места для казней, постройке виселицы, копании могил, уборке трупов и даже об отказе вольнонаемных рабочих от перенесения трупов вследствие... малого вознаграждения носит деловой, чисто практический характер. Комендант Кронштадтской крепости был очень озабочен своевременной постройкой виселицы, ибо несвоевременность

может повлиять на оттяжку казни, и обреченные будут еще дышать; что, по мнению ген. Гусакова, никак недопустимо.

Петербургский градоначальник и петербургский прокурор были взволнованы, узнав, что стропилы виселицы были расшатаны, и немедленно шлют специальную бумагу коменданту



Чтение приговора у эшафота

(Центр. музей Каторги и ссылки)

крепости ген. Гусакову с предупреждением, что виселица должна быть построена основательно.

Помещаемые здесь документы говорят обо всем этом лучше всяких комментариев.

Сего числа при исполнении нами возложенного на нас поручения по осмотру местности, предназначенной для приведения в исполнение приговоров над присужденными к смертной казни, выяснили, что перевозка преступников и конвоя к месту казни („Лисий Нос“) по Приморской ж. д. от ст. Новая Деревня не представляет удобств, так как на станции, благодаря летнему времени, постоянно находится масса отъезжающих и приезжающих дачников. Поездов отходящих от Новой Деревни, 21, поездов, приходящих в Новую Деревню, 21. Путь от ст. Новая Деревня (Приморской ж. д.) до ст. Лисий Нос (Кронштадтская линия Сестрорецкой ж. д.) лежит через ст. Дамба (раз'езд), Лахта и Раздельная, населенные дачниками. На ст. Раздельная, до ст. Лисий Нос ходят 9 поездов в сутки (до пристани) и от пристани Лисий Нос и до ст. Раздельная тоже 9 поездов.

Наиболее удобным способом доставления преступников к месту казни является перевозка их морем от Петербурга через Морской канал или Невский фарватер к Кронштадту на пристань Лисий Нос (подробный доклад представит заведующий 3-й дистанции с. петербургской речной полиции подполковник Свешников).

Таковая перевозка удобна тем, что суда, имеющие выполнить это поручение, подойдя к пристани Лисий Нос, в период времени от 12 ч. 30 м. ночи до

7 ч. 35 м. утра, могут произвести высадку приговоренных и конвоя совершенно незаметно, так как в это время ни поездов, ни пароходы не ходят. Первый поезд отходит от Лисьего Носа к ст. Раздельной в 7 ч. 40 м. утра, последний поезд приходит к Лисьему Носу в 12 ч. 23 м. ночи и отходит от Лисьего Носа на ст. Раздельную в 11 ч. 55 м. Первый пароход приходит на Лисий Нос из Кронштадта в 11 ч. 50 м. ночи и уходит в Кронштадт в 12 ч. 30 м. ночи. В осталь-



Возводят на эшафот

(Центр. музей Каторги и ссылки)

ное время пристань Лисий Нос, представляющая из себя узкую дамбу, вдающуюся в море на протяжении 730 шагов, совершенно безлюдна. Путь от пристани Лисий Нос до места казни, расположенного в лесу, лежит совершенно скрытно тотчас по спуску с дамбы на берег, занимает протяжение $1\frac{1}{4}$ версты и может быть пройден в 15 мин. по хорошей дороге.

Вблизи места казни расположены пороховые погреба, которые, с прилегающей местностью, охраняются от караула 2-го кронштадтского крепостного полка. Караул унтер-офицерский. На правах дежурного по караулам, при карауле находится того же полка прапорщик Петров, состоящий в непосредственном подчинении коменданта Кронштадтской крепости генерал-лейтенанта Гусакова, без предписания которого допустить к названной местности никого не может. В ведении того же прапорщика Петрова находятся предметы, необходимые для производства казни.

Местность у пороховых погребов и место казни лесистая, безлюдная и вполне соответствует этому назначению. На случаи приведения в исполнение приговоров в местности Лисий Нос—начальник караула должен быть об этом предупрежден комендантом Кронштадтской крепости официальной бумагой, так как ему необходимо некоторое время на приготовление эшафота и принадлежностей, и без письменного предписания высадку на пристани он не разрешит.

25 июня 1907 г.

Чиновник особых поручений Муре.

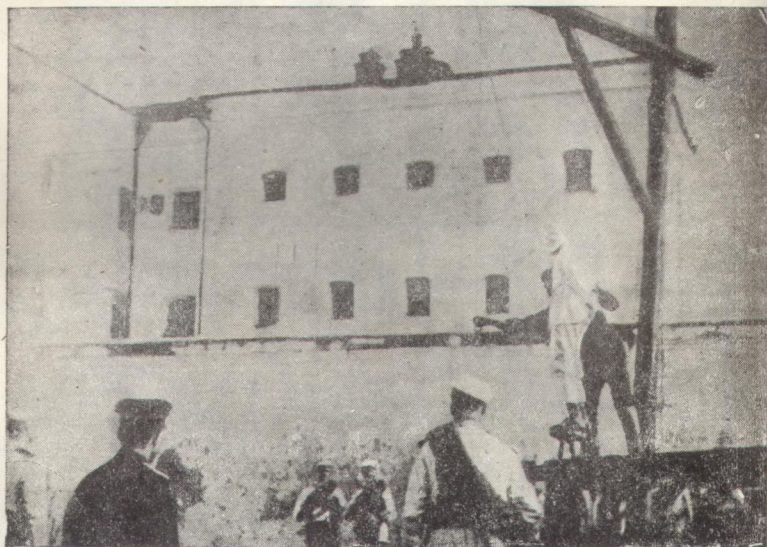
Штабс-капитан Михайлов.

Пом. управл. речной полиции Свешников*.

Документ, адресованный петербургскому градоначальнику, сейчас же после казни трех экспроприаторов

„Секретно“

Во исполнение личного приказа вашего превосходительства имеем честь довести об обстоятельствах, сопровождавших приведение в исполнение приговора с.-петербургского военно-окружного суда над участниками вооруженного нападения, совершенного 30 мая сего 1907 г. с целью ограбления 2 отде-



Петля накинута
(Центр, музей Каторги и ссылки)

ния СПб частного ломбарда на Выборгской стороне Николаем Любомудровым, Иваном Пукжисом и Николаем Сидоровым, нижеследующее:

В ночь на 28 сего июня в 12½ ч. ночи пароход „Пожарный“ и миноносец „Шлем“, имея на себе чинов, назначенных для присутствия при приведении приговора в исполнение над осужденными и приняв в одиночной тюрьме преступников, отчалили в местность Лисий Нос. Идя тихим ходом вследствие густого тумана, вышеописанные суда прибыли к пристани Лисий Нос в 3 ч. утра.

В Петербурге, а равно и при следовании морем, лиц и судов, следивших или следовавших за нашей флотилией, не было.

На пристани Лисий Нос в момент нашего прибытия находились лишь чинов, прибывшие из Кронштадта на пароходе для постановки эшафота. Каких либо иных посторонних лиц, судов или лодок на пристани не находилось.

После того как по предложению товарища прокурора один из осужденных написал письмо родным и исповедывался, осужденные были высажены с парохода и под конвоем жандармов и солдат 147-го пехотного самарского полка направлены к месту казни.

Пристань Лисий Нос представляет дамбу, вдающуюся в море на протяжении 730 шагов. Пройдя дамбу и вступив на берег, на котором не было ни одного постороннего человека, мы тотчас повернули налево, в деревянную калитку, имеющуюся у казарм, занимаемых караулом 2-го кронштадтского крепостного пехотного полка, охраняющим пороховые погреба.

Весь дальнейший путь, следовавший к месту казни, пролегал по лесистой местности совершенно пустынной и удаленной от жилья.

Место, избранное для казни, отстоит от пристани Лисий Нос на расстоянии не более версты, находится в лесу, близ берега моря, в совершенно безлюдной местности, оцепленной к тому же часовыми от 2-го кронштадтского стрелкового пехотного полка, окарауливающими пороховые погреба, имеющиеся в районе этой местности и никого не допускающими без приказа своего непосредственного начальства.

Ближайшая местность, имеющая жилье, станция Раздельная, до которой 10 мин. езды по железной дороге.



Казненный в гробу

По прибытии на место казни, где никого из посторонних не оказалось, был приведен в исполнение приговор суда в присутствии лиц, командированных для этой цели. Во время проведения казни ни на самом месте приведения приговора в исполнение, ни в прилегающей к нему местности никого из посторонних не находилось.

В море на расстоянии 2 верст от берега проехала лодка, повидимому, рыбацкая, с двумя человеками, но и таковая была мало заметна простым глазом, а потому и с нее, надо полагать, нельзя было ничего заметить в местности, скрытой лесом.

Казнь произведена в том месте, где и зимой совершались казни.

По окончании казни чины, командированные для этой цели, тем же путем возвратились на пристань, не встретив на своем пути посторонних лиц, и в 5 1/2 час. утра отплыли в Петербург.

На обратном пути лиц и судов, наблюдавших за флотилией, не было.

Приговор приведен в исполнение в период времени от 12 ч. 30 м. ночи до 7 час. 35 мин. утра, когда ни поезда, ни пароходы еще не начинают движения и окрестности бывают совершенно безлюдны.

Чинovníк особых поручений при СПб градоначальнике
титулярный советник М у р е.

Пом. Упр. речной полиции подполковник С в е ш н и к о в.

Пом. пристава СПб столичной полиции штабс-капитан М и х а й л о в.

Нахожу, что все вышеизложенное совершенно сходно с действительностью

Отдельного корпуса жандармов подполковник С о б е щ а н с к и й.

Отношение департамента полиции на имя петербургского градоначальника

„Совершенно секретно.

В собственные руки.

С.-петербургский губернатор, сообщив по поводу совершенной 28 минувшего июня на Лисьем Носу казни осужденных приговором петербургского военно-окружного суда от 18/19 того же июня потомственного почетного гражданина Николая Любомудрова и крестьян Ивана Пукжлиса и Николая Сидорова о неудобствах приведения в исполнение смертных приговоров вне гор. С.-Петербурга, вместе с тем указал, что, по его мнению, наиболее подходящими местами являлись бы для этой цели расположенные в городской черте Кронверкский арсенал в Александровском парке и холерное кладбище на Куликовом поле, из коих первый отделен от с.-петербургской крепости речным проливом, окружен глубокими каналами, необитаем и имеет совершенно закрытый, местами немощеный двор, а второе закрыто для погребения с 1879 г., не снабжено никакими постройками, кроме небольшого здания, в котором живет кладбищенский сторож, обнесено высоким досчатым забором, расположено в уединенной местности вблизи с.-петербургской тюрьмы и никем не посещается. Также мог бы служить по мнению шталмейстера Зиновьева, для приведения в исполнение смертных приговоров, закрытый двор с воротами на Арсенальскую ул. нового арсенала.

Вследствие сего департамент полиции имеет честь покорнейшее просить ваше превосходительство не отказать сообщить в возможно непродолжительном времени ваше заключение по существу вышеизложенных соображений губернатора для доклада господину министру внутренних дел.

13 июля 1907 г. за № 113--162.

И. д. директора Курлов.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 16 июля 1907 г. за № 382

„Спешно, секретно.

Участившиеся в последнее время присылки преступников невоенного звания, на Лисий Нос для совершения над ними казни вынуждают меня просить ваше превосходительство, впредь до отмены казни в пределах вверенной мне крепости, о нижеследующем: 1) сообщать о присылке не позже как за сутки до дня казни, 2) присылать заранее для сборки и разборки виселицы, для перетаскивания трупов от места казни к могилам, а также и для вырытия могил и зарытия казненных, особых лиц.

Лица эти должны явиться заранее в штаб Кронштадтской крепости для получения пропуска к месту казни.

Назначать постоянных вольнонаемных служащих в крепости лишь для совершения указанных работ я не могу, так как они могут отказать от работы, а тем более поручать это чинам караула, нанимать же особых лиц для перечисленных работ я не имею средств, да и добавок это не входит в число моих обязанностей, как коменданта крепости.

С моей стороны будет приказано лишь допустить к месту казни для совершения ее и охранять от покушений злонамеренных лиц.

Убедительно прошу ваше превосходительство, если нельзя совершенно отменить производство казни в пределах вверенной мне крепости, то избавить чинов крепости от производства несоответствующих их службе работ и от участия в самой казни.

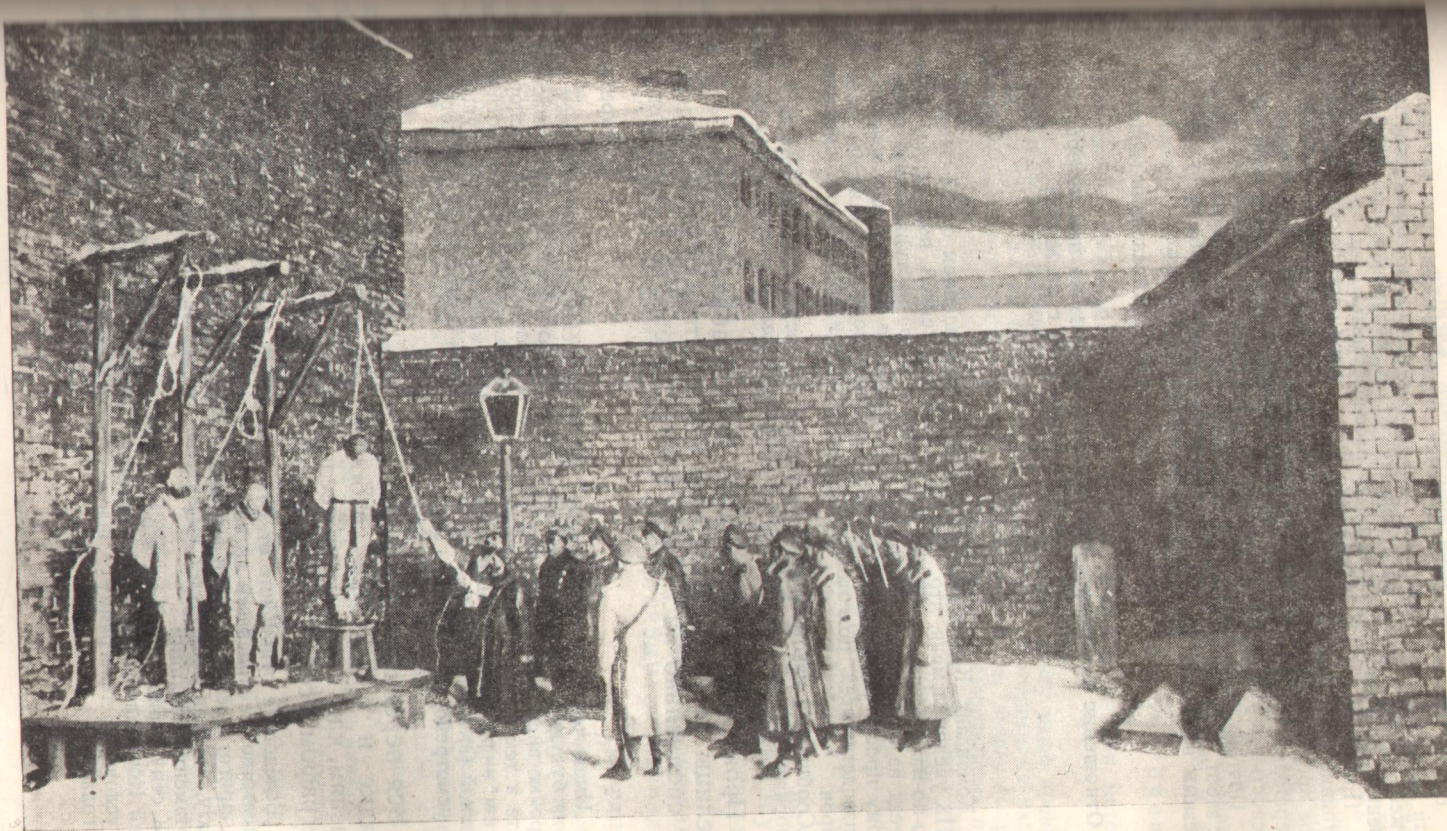
Комендант крепости генерал-лейтенант Гусаков.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 27 февраля 1908 г. за № 118

„Секретно.

Два последних распоряжения вашего превосходительства о приведении в исполнение смертных приговоров были мною получены лишь в 7 ч. веч.

Времени для моих распоряжений, а главное для найма рабочих и доставки их на Лисий Нос и производства всех подготовительных работ оставалось слишком мало.



К а з н ь

(Музей Каторги и ссылк. Киевского отд. об-ва политкаторжан)

В виду изложенного прошу ваше превосходительство направлять ко мне ваши распоряжения возможно раньше и с таким, по возможности, расчетом времени, чтобы в моем распоряжении от их получения и до прибытия приговоренных оставалось не меньше 20 часов времени.

Прошу еще принять во внимание, что при наступающей весенней погоде состояние льда мало-по-малу становится плохо надежным, и скоро наступит такое время, когда переезд из Кронштадта на Лисий Нос, требуя для своего совершения все большего и большего времени днем, будет сопряжен с полной опасностью в темное время и, наконец, станет невозможным.

Поэтому, если только это исполнимо просил бы избавить меня от означенных забот, хотя бы до открытия навигации, если вообще не будет ли признано полезным назначить для совершения казней другое место.

И. д. нач. штаба подполковник (подпись)*.

Отношение петербургского градоначальника на имя петербургского губернатора от 2 марта 1903 г. за № 2488

„Срочно.
Секретно.

Комендант Кронштадтской крепости отношением от 27 февраля с. г. за № 118 уведомил меня, что при наступлении весенней погоды состояние льда мало-по-малу становится плохо надежным и скоро наступит такое время, когда переезд из Кронштадта на Лисий Нос сделается совершенно невозможным, а потому просит избавить его от найма рабочих, доставления их на Лисий Нос и производства всех подготовительных работ при исполнении смертных приговоров.

Сообщая об изложенном, прошу ваше превосходительство принять на себя распоряжение о найме рабочих для устройства виселицы и копания могильных ям*.

Прокуратура чрезвычайно была озабочена, чтобы стропилы виселицы не были расшатаны, о чем петербургский градоначальник специально писал коменданту крепости 9 октября 1907 г.

Секретно.

„Имею честь уведомить ваше превосходительство, что я нахожу возможным на будущее время уплачивать каждому рабочему по 3 р., а мастеру по постройке виселицы по 5 р. из средств, находящихся в моем распоряжении. Вместе с тем прошу вас о назначении по моим телеграммам об отправлении „шлем“ — рабочих для вышеуказанной цели, и мастера, более сведущего с постановкой (?) виселицы, так как в последний раз чинами прокурорского надзора было усмотрено, что стропила расшатаны“.

Вся переписка о подготовке к казням велась в секретном порядке и о посылке „рабочих“ на работы по подготовке к казням, как видно из нижеследующего документа, сообщалось телеграфом особо - обозначенным шифром:

„Вследствие отношения от 1-го сего июля за № 382 прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным нужных людей для постройки виселицы, приготовления могил и зарывания казенных нанимать из вольных людей за плату, которая мною будет выдаваться из средств, отпускаемых на эту цель департаментом полиции.

К сему присовокупляю, что при каждом отправлении преступников на „Лисий Нос“, для ускорения сообщения, я буду посылать на ваше имя следующую условную телеграмму: „шлем“, „отсылается такого то числа и часа (1907 года)*“.

„Стачка“ помощников палачей

Сего 25 сентября (1907) на станции „Лисий Нос“ была совершена казнь через повешение семи государственных преступников; по окончании ее рабочие инженерного кронштадтского управления отказались переносить трупы казненных от виселицы к могилам, и зарывать последних, мотивируя свой отказ малым вознаграждением за это: лишь при помощи машиниста и шкипера парохода „Рабочий“ вышеозначенного управления удалось избежать крайне нежелательный инцидент — оставления незарытыми на неопределенное время казненных. Во избежание на будущее время подобных случайностей, прошу ходатайства перед с.-петербургским градоначальником о назначении для вышеуказанной цели особых рабочих, на коих возлагалась бы не только уборка и зарытие трупов казненных, но и постройка и уборка виселицы

Полковник Косторов*.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости на имя петербургского градоначальника от 26 сентября за № 477.

„Препровождая настоящий рапорт, убедительно прошу ваше превосходительство, не будет ли на будущее время признано возможным, во избежание инцидентов, подобных изложенному в настоящем рапорте, назначать рабочих не только для уборки и зарытия трупов казненных государственных преступников, но и постройки, а также и уборки виселицы, так как при повторении указанных инцидентов могут остаться тела казненных необранными, да и сама виселица неприготовленнойю.

О последующем вашем решении, а также и о распоряжении прошу не отказать уведомить меня для моих распоряжений в будущем.

Комендант крепости генерал-лейтенант Гусаков*.

Своеобразная „стачка“ возымела свое действие и инженерное управление установило новую, несколько повышенную расценку за „работу“ помощников палачей, и время работы палача было установлено: с 2 ч. ночи до 7^{1/2} утра.

Опасаясь новой „стачки“ палачей, комендант Кронштадтской крепости писал 10 марта 1908 г. петербургскому градоначальнику.

„Секретно.

При получении телеграмм, предупреждающих о казни, вопрос о числе приговоренных остается всегда открытым. От числа же их зависит и число рабочих, высылаемых для различных по сему случаю работ. В ночь на 6 марта последних было выслано 8, а плату получили пока лишь 4.

Прошу ваше превосходительство: 1) отдать распоряжение об уплате и остальным 4 рабочим причитающихся им за произведенную ими работу денег и 2) об указании в предъ высылаемых телеграммах цифрой или каким-либо знаком (Буквой А-1 Б-2 и т. д.) числа приговоренных, дабы, по получении таковых, можно было сразу ориентироваться о числе необходимых рук для рытья могил, величине таковой и количестве мешков извести.

Это много бы упростило дело и не порождало бы впредь никаких уже недоразумений.

Комендант крепости генерал-лейтенант Гусаков*.

Казнь совершалась на территории Лисий Нос при непременном участии подполковника Собещанского, принимавшего смертника из тюрьмы и сопровождавшего его к месту казни.

Технически казнь обставлялась различными формальностями, вплоть до присутствия священника или раввина. Иногда казненному одевали саван, иногда мешок на голову, а чаще всего вешали с открытым лицом.

В Новочеркасске (зимой в 1908 г.) вешали за городом в 2 часа ночи. Смертников привозили полузамерзшими, вешали по несколько человек сразу (до 5 человек). При вешании палач на земле затягивал петлю на шею смертника, а рабочие на блоке приподнимали смертников вверх; поднимая одних, приступали к следующим, ожидавшим очереди. Палач покрикивал: „Не бойсь, чего боишься! Кто первый?“ Спустя три минуты по поднятии казненного вверх с него стаскивали всю тюремную одежду, оставляя на нем лишь короткую сорочку. После 20 мин. врачи констатировали смерть. Потом палач перерубал шашкой веревку поверх головы казненного.

В Одессе казни происходили в двух местах: недалеко от Александровского парка и за Чумной горой. Смертников выводили из тюрьмы к месту казни из специальной „камеры смертников“ в сопровождении стражников и городских. К смертникам подсылали священника или раввина для „исповеди“. Казнили под открытым небом: стол и табуретки служили местом возведения к эшафоту смертника. Палач Жекмаки подходил к осужденному в маске и поверх платья одевал черное домино. Все принадлежности (мотыжки, гвозди, кольца, бревна) для технического приготовления казни хранились при бульварной полицейской части. Оттуда же выезжали на казнь городовые — помощники Жекмаки.

В Москве казни происходили главным образом в арестном доме 1-й части Хамовнического полицейского участка в сарае и в сокольническом исправительном отделении. Осужденного ставили на табуретку, стоявшую на столе, одевали петлю. Так рассказывал палач Жабин советскому суду в мае 1926 г.

„Я наматывал веревку за столб... выдергивали табуретку... После этого доктор щупал пульс. Перед тем как вешать осужденного, на него ничего не одевали, лицо оставалось открытым“.

„И наступление смерти устанавливалось врачом, — рассказывал другой палач Фролов, тоже советскому суду, — при мне не было ни одного случая, чтобы снятый из петли был еще жив. После этого отпускали веревку. Труп мы укладывали в большой мешок так, что оставались видны одни ноги, с которых мы снимали кандалы. На руках у казненных были ручные кандалы, но чаще руки были связаны полотенцем. На ломового извозчика укладывали гробы и увозили на Ваганьковское кладбище, сдавали по сдаточной ведомости“.

В момент казни лицо повешенного освещалось лампочкой и так как оно ничем не закрывалось, то окружающие могли видеть все судорги лица, все те ужасы изменения на нем, какие происходили в момент смерти. Часто палачи придерживали повешенного, чтобы он не вертелся, и даже тянули его за ноги.

Московское охранное отделение перед казнью сообщало в Хамовнический участок о времени приведения в исполнение

смертного приговора, о казни также извещались прокурор и священник. Особым секретным пакетом вызывался врач. При казни осужденных по политическим делам присутствовали и высшие чины губернии.

Двор Хамовнической части во время казни окружался усиленным нарядом городских и околоточных надзирателей. Осужденных привозили в тюремной карте во внутрь двора, вводили в кабинет пристава, и здесь в присутствии прокурора и священ-



Лобное место

Сарай при Хамовнической полицейской части, где палачи Фролов, Жабин и Чугунов приводили в исполнение смертные приговоры через повешение в 1906—1913 гг.

ника им прочитывался приговор. Палачи в это время приготавливали все необходимое для казни. По прочтении приговора священник предлагал осужденным исповедоваться. Однако, услугами служителей церкви редко кто пользовался. Затем конвой, который привозил осужденных из тюрьмы, вел их под руки в сарай.

Присутствовавший при казни врач минут через 10—20 после повешения подходил к повешенному. Один из палачей отвязывал веревку от столба и немного опускал труп, чтобы врач мог достать руку казненного, проверить пульс и констатировать смерть.

Приказы об исполнении смертной казни через повешение носили почти один и тот же характер, имели почти одно и то же содержание. Приводим выдержки из приказа московского градоначальника Рейнбота от 8 сентября 1906 г.:

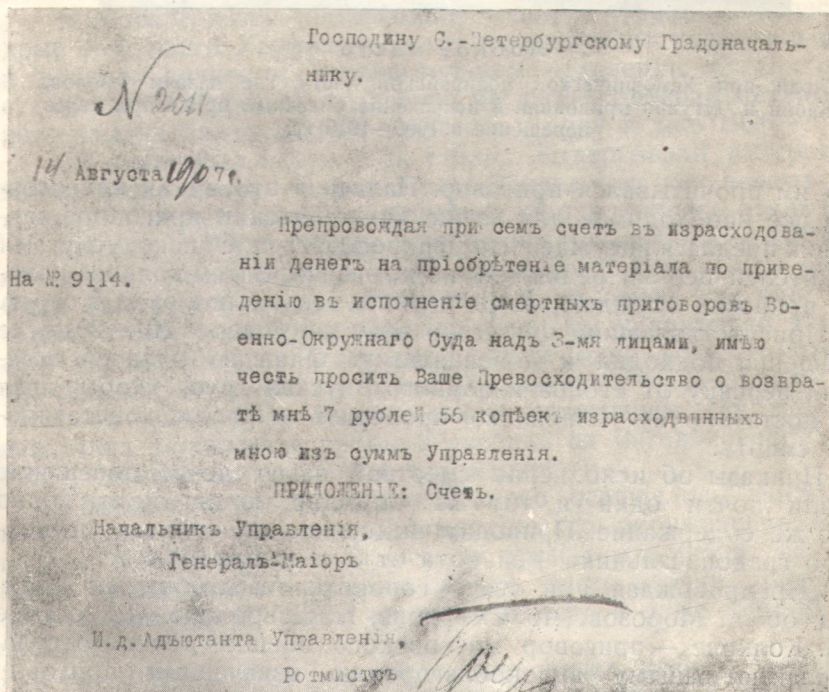
„Препровождая при сем, — говорится в отношении Рейнбота об А. Морозове, К. Смирнове, Н. Лавролове-Старостине и П. Колкове, — приговор московского военно-полевого суда, предлагаю вашему высокоблагородию означенный приговор привести в исполнение сего числа до рассвета в здании сокольнического исправительного отделения. О последующем донести“.

„Техника вешания“ применялась в общем почти везде одинаково, при всех случаях исполнения смертных приговоров.

История казней знает не мало случаев, когда смертники срывались с эшафота. По преданию в старину существовал обычай, в силу которого сорвавшегося из петли смертника вторично не вешали и даровали ему жизнь. Но уже во время казни декабристов обычай этот „устарел“. Когда казнили декабристов, веревки оборвались и трое смертников рухнули в яму. Запасных веревок не было, пришлось доставать их в ближних лавках. Было раннее утро, лавки были закрыты, исполнение казни задерживалось, а смертники, сорвавшиеся с петли, вновь почувствовавшие биение своего сердца, должны были ждать до приобретения новых веревок. Ждали смертники не один час.

Когда казнили Лапина (за убийство генерала Хорошкова), приготовленная веревка оказалась негодной, послали за другой; принесли слишком толстую, пришлось разыскивать третью. И все это происходило в присутствии осужденного к смерти.

Приводим копию хранящегося ныне в государственном музее революции в Ленинграде официального документа, относящегося к денежным расходам, связанным с техническими приготовлениями к исполнению смертной казни:



Счет расходам

денег на приобретение материалов по приведению в исполнение смертного приговора военно-окружного суда над двумя лицами;

Извозчик . . . 2 руб.
2 веревки . . . 1 руб. 10 коп.
2 кольца . . . — 60 коп.
2 мешка . . . 2 руб. —

Всего 5 руб. 70 коп.

Генерал майор Клыкков.

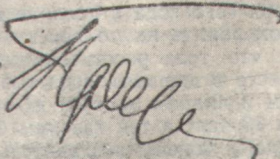
Адъютант управления штабс-ротмистр Красковский.

Очевидно цена на извозчика, веревки, кольца, мешки осталась неизменной. Этот счет подан за казнь двух человек, ниже мы помещаем счет за исполненную казнь трех человек. Расценки на материалы не меняются.

С Ч Е Т Ъ.

С.-Петербургскаго Губернскаго Гандармскаго Управленія въ израсходованіи денегъ по приведенію въ исполненіе 2-хъ смертныхъ приговоровъ Военно-Окружнаго Суда.

1/ 1 извозчикъ.....	2 руб.
2/ 3 веревки по 13 Аршинъ.....	1 руб. 65к.
3/ 3 кольца по 30 коп.....	— 90к.
4/ 3 мешка по 1 рублю.....	3 руб. —
Итого. 7 руб. 55к.	

Н.д. Адъютанта Управленія
Ротмистръ 

Казнь через расстрел стоила дороже. Мы приводим цифры расходов по приведению смертного приговора через расстрел над революционерами — кавказцами Халепуридзе и Сванидзе, расстрелянными в Кутаисе на Очаскурском кладбище.

- 1) саваны по 2 руб. 50 коп. 5 р.
- 2) доски, к которым привязывали казненных, по 3 р. . 6 р.
- 3) брандмейстру и 6 пожарным за могильные работы . 30 р.
- 4) тюремным надзирателям за снятие с трупов кандалов 8 р.

Итого 49 р.

На каждого расстрелянного тратилось материалов на 24 р. 50 к., тогда как на каждого повешенного тратилось только 2 руб. 85 коп.

Не всегда казненных укладывали в отдельные гробы. В Варшаве несколькими казненным залили смолою лица, а их трупы выбросили в Вислу. В Прибалтике чаще всего оставляли казненных необранными на месте казни „для устрашения“.

В Саратове трупы казненных бросали за городом и в помойные ямы. Нередко (в дни действия карательных экспедиций) казненные закапывались на месте совершенной казни, если она происходила в лесу или за городом.

Родные казненного чрезвычайно редко узнавали о месте его казни и погребения. В Прибалтийском крае был случай, когда родные казненных, узнав о месте погребения своих близких, и, не взирая на репрессии, могущие последовать по отношению к ним со стороны главарей карательных отрядов, все же пытались получить разрешение похоронить казненных на кладбище. Об этом рассказывает следующий документ, опубликованный Р. Кантором в журнале „Суд идет“¹.

„Дело № 314 канцелярии прибалтийского генерал-губернатора по ходатайствам о разрешении хоронить на кладбище, трупы казненных. Начато 25 января 1906 г., окончено 10 февраля 1909 года“.

Из этого дела мы берем только часть документов:

Письмо барона Меллер-Закомельского лифляндскому губернатору
от 12 мая 1906 г. за № 1665.

„Лифляндскому губернатору, Лена Саррей и другие в числе 23 женщин, жители гор. Феллина, поименованные в прилагаемом при сем прошении, обратились ко мне с ходатайством о разрешении им вырыть тела казненных 9 — 11 января сего года в Феллине мужей, братьев, отцов и других, всего 53 человека и похоронить их по христианскому обряду. При этом просили ссылаться на то, что тела расстрелянных были брошены связанными по несколько человек вместе в две ямы, вырытые на земле (сенокосе) имени Замок - Феллин, на открытом и видном месте недалеко от города. В одну яму бросили 40 чел., а в другую 13 чел., а так как ямы были вырыты небольшие и неглубокие, то трупы покрыты только незначительным слоем земли, а потому собаки могут

¹ „Суд идет“, № 14, 1926 г., стр. 850.

выкопать их. Местность, где находятся ямы, изобилует ключами, почему в жаркое время, когда трупы разложатся, ямы могут сделаться опасными.

Ввиду статьи 312, т. XI, ч. I св. законов я полагал бы неудобным разрешение изложенного выше ходатайства. Однако, если бы ваше превосходительство изволили найти возможным удовлетворить таковое без опасения, что новые могилы, в коих будут погребены умершие родственники просителей, станут особо чтимыми местами, куда население будет стекаться для политических демонстраций, произнесения противоправительственных речей и т. п., то с моей стороны не встретится препятствий к удовлетворению настоящего ходатайства с тем, однако, чтобы вырытие трупов было произведено в присутствии полиции и уездного врача, по указаниям которого должны быть приняты все меры к обезвреживанию трупов, с облитием их известью или другими веществами. Тела немедленно по вырытии должны быть положены в заранее приготовленные, прочно закупориваемые гробы, которые не должны быть приносимы в церкви и дома, а по совершению богослужения на самом же кладбище, немедленно преданы земле.

Во время вырытия и погребения никаких шествий, демонстраций и речей не должно быть допускаемо.

Временный прибалтийский генерал-губернатор генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский*.

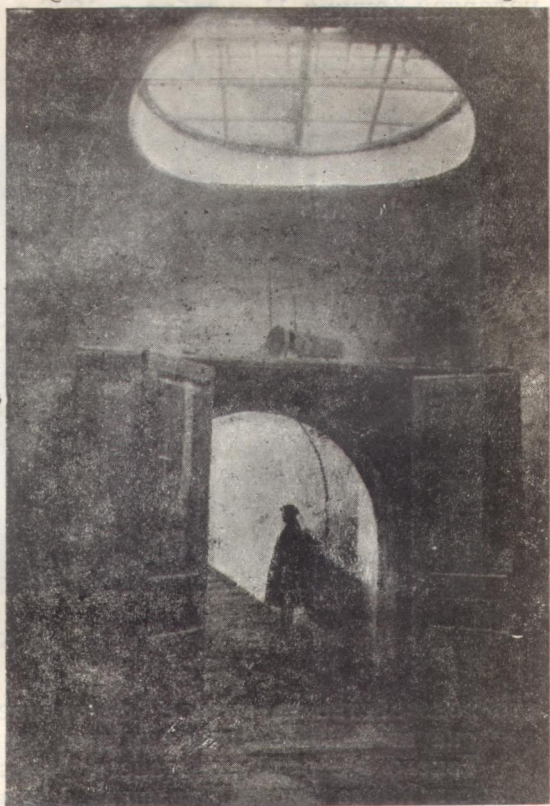
Чем кончилось это ходатайство, из дела не видно.

Управляющий канцелярии Меллер-Закомельского Кашкин 9 октября 1906 г. за № 3029 пишет:

«Свиты его величества генерал майору Вершину

Крестьянка Правленской волости, Введенского уезда, Ильзя Яунзем обратилась к генерал-губернатору с прошением о разрешении ей похоронить на кладбище двух ее братьев, казенных в названной волости.

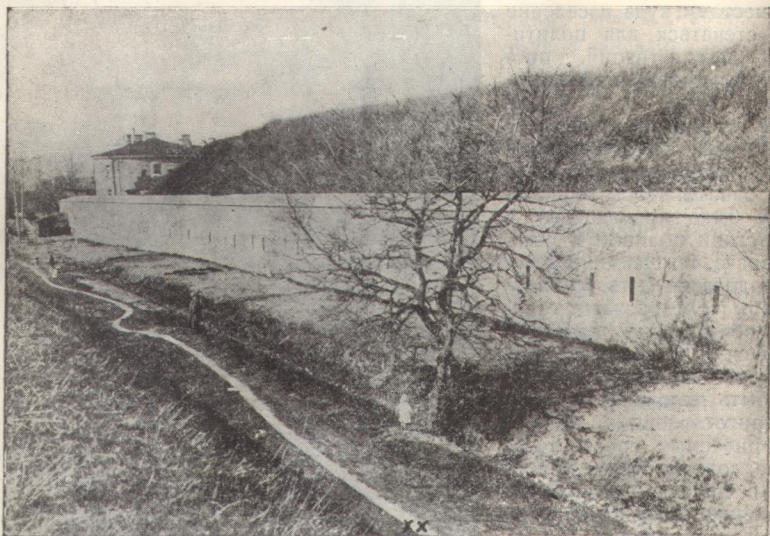
Прошение это канцелярия имеет честь препроводить на усмотрение вашего превосходительства уведомляя, что по закону (ст. 312, т. XI, ч. I) казенные лица погребаются, без всяких торжественных церковных обрядов, речей и собраний. С соблюдением такого условия и возможно было бы удовлетворить приведенное ходатайство, если ваше превосходительство не имеет в виду каких либо обстоятельств, препятствующих тому».



Киевский Косой Капонир

Вход в казематы. Свэг в коридор казематов падает с потолка

Крестьяне Искюльской волости Август Вилиц и Ян Юрген обратились к генерал-губернатору с прошением о разрешении им похоронить на Искюльском кладбище брата первого и сына второго, казненных в Анневардене. Тут же управляющий канцелярией Кашкин 11 октября г. 1906 г. за № 3043 препровождает



Косой Капонир, Киев¹

это ходатайство на полное усмотрение начальника южного отряда карательной экспедиции полковника Принца.

Такого же рода ходатайство крестьянина Кокангаузенской волости Карла Якова Мурашка „о разрешении ему похоронить на Фетельнском кладбище своего родственника Петра Матрина, расстрелянного по приговору военно-полевого суда“. Кашкин 24 октября 1906 г. за № 3169. прошение препроводил на усмотрение лифляндского губернатора.

Крестьянин Саренской волости, Фридрихштрасского уезда Юра Лепа ходатайствовал „о разрешении ему похоронить на кладбище сына Петра Лепа, расстрелянного карательным отрядом 13 октября 1906 г. вблизи усадьбы Кампан, Сетценской волости“.

¹ X Братская могила казненных.

XX Дорожка, ведущая к месту казни, на Лысую гору. В Косом Капонире содержались смертники в ожидании казней.

На одной из стен казематов сохранилась выгравированная надпись: „Будь проклят палач Кругляк“.

Приведем еще документ :

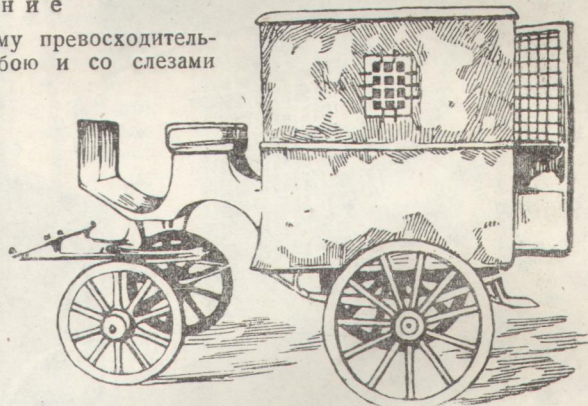
Его высокопревосходительству господину прибалтийскому генерал - губернатору барону фон Меллеру - Закомельскому.

Крестьянских вдов Гольдингенского уез., Курляндской губернии, Курмаленской волости Минны Шиллер, Еды Силинь, Лизы Андерсен и Марии Вихман.

П р о ш е н и е

Обращаемся к вашему превосходительству с нижайшей просьбою и со слезами в глазах просим вашей милости.

Наши мужья... по приговору митавского военно-полевого суда были приговорены к смерти 28 декабря 1906 г. казнены, а тела их погребены там же на чужбине, вдали от их родных полей, вдали от их супругов и малых детей. Их последняя просьба была — не оставить их на чужой стороне, а перевести их тела на родину и похоронить на родном кладбище. До сих пор мы не имеем



Общий вид киевской кареты смертников¹

возможности исполнить их последнюю просьбу, но их образ всегда перед нашими глазами и не дает нам покоя ни днем, ни ночью, так что мы больше уже терпеть не в состоянии, пока не сделаем все возможное от нас. Наша скорбь по них тяжелая, но нравственные мучения за неисполнение их последней просьбы еще тяжелее. Постоянно они являются нам во сне и укоряют нас за нерадение к их последней просьбе. Мы не можем дальше терпеть, мы не можем перевести те муки, которые бог наложил на нас.

Наша собственная жизнь и жизнь наших сирот детей разбита; наше будущее во мраке, печали и слезах. Нет утешения...

Ваше высокопревосходительство, на вас единственная наша надежда, в вас наше утешение.

Христос сказал: „просите и дастся вам, ищите и обрящете, стучите и отверзется вам“, вот мы и стоим у дверей вашего сердца и со слезами на глазах просим и умоляем ваше превосходительство; будьте милостивы к нам, пролейте луч радостной надежды в нашу беспросветную жизнь. Наши сиротки просят к вам исхудалые ручки и слезно молят вместе с нами: разрешите исполнить последнюю просьбу казенных, разрешите вырыть их тела и перевезти на родное кладбище, и вы исполните христианский долг милосердия, вы снимете с нас те нравственные муки, которые тяжелым бременем легли на нас, вы окажете нас на всю жизнь“.

Если ваше превосходительство не найдет возможным разрешить перевести их тела на родину, то умоляем разрешить положить их в гробы и похоронить там же.

Покорнейшие просительницы Минна Шиллер, Еда Силинь, Лиза Андерсен и Мария Вихман.

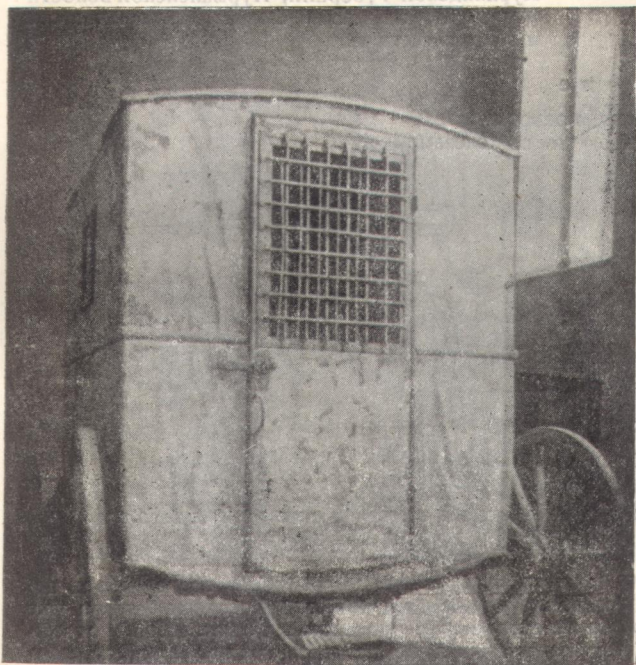
21 января 1907 г. Город Гольдинген.

¹ Окно фиктивное—для зрителей. Поверх сплошной железной стенки перетянута решетка, создающая впечатление „окна“.

Меллер - Закомельский прочел и написал резолюцию:

„Отказать, как противное закону“.

Не меньшее внимание заслуживают „заботы“ коменданта либавской крепости генерала Белявского и командира порта



Киевская карета смертников¹

контр - адмирала Ирецкого, в отношении технической подготовки к казни матросов, участников либавского восстания в июле 1905 г. В то время, когда матросы, числом около 60 человек, находились „на скамье подсудимых“ и судьи допрашивали „обвиняемых“, за десять дней до объявления приговора, комендант Белявский, еще не зная приговора, но будучи уверенным в его завершении со смертным исходом, — заблаговременно готовит все необ-

ходимое к казни и пишет командиру порта Ирецкому:

„Если придется приводить в исполнение смертный приговор, то местом для смертной казни необходимо избрать территорию морского ведомства по побережью к северу от северного мола.“

Самый смертный приговор должен быть приведен в исполнение морскими командами, что и будет служить знаком отрешения последних от солидар-

¹ Внутри кареты 2 одиночки. Каждая из них — метр вышиною, пол метра шириною и в длине аршин. В этой клетке смертнику можно было только сидеть, не поворачиваясь. За наружной дверной решеткой — коридорчик, в котором помещались двое часовых. Наглухо закрытая карета (с двумя смертниками в клетках и 2 охранниками в коридорчике) при наружной верховой страже — отправлялась к месту казни — Лысой горе, больше всего ночами, при факелах. С 1905 по 1916 гг. в карете перевезено около 200 чел. на казнь, главным образом политических.

В 1925 г. по заданиям киевского горсовета автор производил обследование киевского допра (б. лукьяновскую тюрьму) и наткнулся на попытку администрации допра разобрать карету на железо для нужд допра. Разбор был приостановлен и карета была немедленно вывезена (уже без колес) в киевский музей революции, где она находится и поныне.

ности с содеянным злодеянием. Распоряжения по приведению смертной казни в исполнение могут быть, по моему мнению, возложены вами на начальника береговых команд или же на командира артиллерийского отряда.

Для каждого из подлежащих смертной казни на самом месте казни должна быть вырыта яма, с тем, чтобы по окончании казни ямы эти были приведены под общий уровень окружающей местности и без всяких внешних признаков могил, заблаговременно необходимо заготовить повязки на лицо приговоренных к казни. Около ям должны быть поставлены столбы, к коим и будут привязаны осужденные на смертную казнь.

В виду возможных осложнений при приведении в исполнение приговора суда, распоряжение по охране, как при отправке из порта осужденных к тяжким наказаниям, так и при совершении смертной казни, возлагаю на генерал-майора Косова, которому и прошу вас передать об этом поручение. Я прошу передать генерал-майору Косову, что я жду от него подробно разработанных планов и соображений по охране на оба вышеупомянутых случая, по предварительному с вашим превосходительством со-
вещанию*.



Генерал Белявский

Белявский не ошибся. Приговором суда 8 матросов были осуждены к смертной казни через расстрел, остальные — к разным срокам каторги. Но морской министр Бирилев, находясь под свежим впечатлением восстаний и забастовок как в Либаве, так и по России, 17 августа 1905 г. отдает телеграфное распоряжение заменить казнь — каторгой. Все приготовления к казни 8 матросов — оказались напрасным трудом*.

Техника исполнения смертной казни (21 сентября 1906 г.) над 19 матросами, участниками кронштадтского восстания, была исключительно по своей жестокости:

„Казнили на рассвете. Форт был еще погружен в сумрак, когда осужденных матросов подвели к натянутому канату. Море глухо шумело. Из амбразур крепостных казематов сурово глядели пушки. Когда прочли приговор, осужденные, как один человек, запели: „Мы жертвою пали в борьбе роковой...“ К ним подошел священник, но только двое из 19-ти согласились принять его напутствие.

Просьба осужденных, оставить им глаза открытыми, была отклонена, — их привязали к одному общему канату и надели на головы мешки.

Перед осужденными выстроилась рота матросов стрелковой команды. Позади нее была размещена пехотная часть енисейцев, а еще дальше были поставлены пулеметы — „на всякий случай“. Винтовки плохо повиновались на этот раз матросам, расстреливавшим своих товарищей, и после первого залпа убитых оказалось только три — четыре человека. Но упали на землю почти все, так как были привязаны к одному общему канату и, падая увлекали за собой других.

Недобитые, раненые, умирающие и убитые оказались в одной куче, барахтавшейся, корчившейся и ползавшей по земле. По этой массе беспомощных

11. Смертные казни

человеческих тел был дан второй залп. Целиться было трудно, и второй залп остался тоже почти безрезультатным. Произошло некоторое замешательство.

У расстреливающих не оказалось больше патронов — им было роздано всего по два патрона, так как не предполагалось, что понадобятся еще. Спешно стали раздавать новые патроны, и совершавшие казнь матросы, уже без всякой команды начальства, беспорядочно и наспех стреляли в барахтавшуюся кучу, чтобы только скорее покончить с этим ужасом. Тела казненных уложили



Бобруйская крепость

Место, где были расстреляны: Балдин, Баринов, Дядук, Сергиенко и Каширкин

в 9 больших мешков, погрузили на пароход и повезли все к тому же Тобугинскому маяку, где были уже ранее потоплены тела других 10 героев кронштадтского восстания.

Казнь имела свое продолжение. Трудно сказать, были ли плохо привязаны к мешкам грузы, или по какой либо другой причине, но трупы матросов стали всплывать — их прибывало морем то к одному, то к другому берегу; было, как рассказывают, даже несколько случаев, что трупы казненных приплывали к царской пристани в Петергофе, чуть ли не под самые окна петергофского дворца, стоящего на берегу моря*.

Стремление правительственных агентов скрыть от прессы и общества свою вешательскую и расстреливательскую деятельность, засекретить каждый штрих этого деяния — не достигало цели.

Общественность и пресса использовали все легальные и нелегальные возможности, будируя буквально все население и в первую очередь пролетарскую массу, вызывая ярые протесты против царской бойни и живодерни.

Ходило по рукам и пользовалось огромной популярностью среди кронштадтских матросов стихотворение, посвященное

дикой расправе над 19 матросами, участниками кронштадтского восстания. Приводим из него несколько характерных строк:

Трупы блуждают в морской ширине,
Плещут волнами зелеными —
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными,
Черною кровью запачкан мундир...
— Это матросы кронштадтские
Сердце им пули пробили солдатские,
В воду их бросить велел командир...
Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый...
Царь Николай, выходи на призыв,
С мертвой беседовать свитой...

Подробности расправы, совершенной над 8 рабочими, участниками боевой дружины в Риге, в мае 1906 г. также проникли в прессу и вызвали массовые протесты общественности и прессы.



Казни в прифронтовой полосе

Группа казненных и ожидающих казни на русско-румынском фронте в декабре 1916 г. за агитацию против войны

Газета „XX век“ (закрытая и оштрафованная за это сообщение) так описывает детали расстрела восьми рабочих:

...Ночью за осужденными пришли солдаты... Тюрьма огласилась безумным нечеловеческим ревом. Тут впервые солдаты поняли, для какого дела их позвали. Им стало жутко... Поручик Петров, увидя угнетенное настроение солдат, тотчас же скомандовал им пойти к указанным камерам и силой брать приговоренных. Защелкали замки, послышался стук отворяемых дверей... и началось нечто страшное, жестокое, невообразимое... Приговоренные к смерти бросились на солдат в рукопашную, завязался бой. Крики усилились... Тюрьма дрожала от нечеловеческих воплей, предсмертных, мучительных криков.

Иные, находя борьбу с солдатами бессельной, бросились к железным решеткам на окнах и головами стали биться, желая найти скорую смерть; другие пытались броситься вниз головой с верхней галлерей, но солдаты не допускали их.

Один только Сиполь не оказывал сопротивления; он как-то безумно оглядывался кругом, ничего не понимая, и шопотом твердил самому себе „я не виновен, я ни в чем не виноват“...

Самое большое и стойкое сопротивление было проявлено Мейером. Силач, громадного роста, он долго боролся с солдатами.



Казни на русско-германском фронте в 1915 г. за агитацию против войны (Печатается впервые)

Небольшие размеры камеры не давали солдатам окружить его со всех сторон, и он, пользуясь выгодой такого положения, победно отражал нападения на него. Он дрался с ними из последних сил, надеясь в этой неравной борьбе героически встретить смерть лицом к лицу.

Эта борьба была чудовищна: с одной стороны, были направлены штыки, пушечные в ход приклады десятков людей, с другой — один приговоренный к смерти, который прекрасно сознавая, что нет ему спасения, что он должен тут расстаться с жизнью, сражался, имея в своих руках табурет, стол и крепкие, здоровые кулаки.

Но борьба была неравная. Силы его ослабели его повалили на пол и стали жестоко бить. Били в отместку за то, что сопротивлялся. Затем его связали по рукам и ногам.

Каждого из восьми человек окружил кольцом солдат; Мейера подняли, развязали ему ноги, и всех под конвоем вывели из тюрьмы.

Эта была мучительная, тяжелая минута в жизни тюрьмы.

Восьмерых приговоренных к смерти вывели на двор тюрьмы и повели через весь город к стоянке миноноски на Двине, где и разместили; некоторые пытались броситься в воду, а Мейер вновь вступил в борьбу. Его снова повалили на пол и связали ему ноги.

Несколько раз часовой ударял его головой об пол, чтобы он лежал спокойно, но Мейер не поддавался, употреблял все усилия, чтобы освободиться от веревок. Он производил впечатление сумасшедшего...

Миноноска причалила к северной части острова около форта, и высадила своих пленников. Приговоренных торопили к месту казни.

Невдалеке показались 8 столбов, вкопанных в песок, тут же около них были вырыты ямы. Гробов не было. Их повели к месту казни и стали привязывать к столбам.

Некоторые приговоренные просили солдат не привязывать их к столбу и не надевать на головы мешка. Солдаты ответили, что не имеют права этого делать, и продолжали свою работу. Не так то просто дело обошлось с Мейером, понадобилось употребить большую силу и побои, чтобы притянуть его веревками к „позорному“ столбу. Солдатам пехотинцам он крикнул: „Помните. Вам, солдаты, будет гораздо хуже, нежели нам. Наша кровь отзовется на палачах“.

Раздались три залпа. Тела вместе со столбами побросали в яму и засыпали их речным песком. На солдат, участвовавших в экзекуции, казнь произвела страшно тяжелое впечатление...

ИСТЯЗАНИЯ И ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ПЕРЕД КАЗНЬЮ И НАД ТРУПАМИ ПОСЛЕ КАЗНИ

Приведенный к эшафоту или к месту расстрела смертник ждал, что вот еще несколько минут—все будет кончено и его сердце перестанет биться. Но не всегда эти последние минуты были только минутами ожидания конца.

Очень часто до вывода на казнь смертника беспощадно избивали.

Смертники часто нарушали жестокую тюремную дисциплину, установленную специально для ожидающих казни. Терять смертника в сущности было нечего; впечатлительность и нервозность доходили до крайних пределов, отсюда вытекало непослушание, нарушение правил тюремного режима. На смертника обрушивались "воздействия"—жестокое избиения. Учитывая, что все равно смертник через день-два превратится в труп, тюремщики ни с чем не считались. Смертника можно было искалечить, окровавить и отправить на эшафот полуинвалидом, полуживым. Нередко тюремщики врывались в камеру смертников и часть банды принималась избивать приговоренных к казни, а другая держала остальных смертников под дулами наведенных револьверов. Стоны, крики, вопли неслись в это время из камеры.

Могли ли заключенные быть равнодушными, слыша стоны избиваемых смертников? Они реагировали всеми доступными имеющимися в их распоряжении средствами, вплоть до обструкций, голодовок и массовых самоубийств.

Почти все тюрьмы реагировали на пытки обструкцией,—разбиванием стекол, ломанием всего, что находилось в камерах.

В екатеринославской тюрьме, в 1907 г., под угрозой голодовки, политические потребовали расследования факта избиения перед казнью юношей Хирчиева и Раззаренова, которые, составляя последние письма к родным, задержались в камере и не торопились идти к виселицам.

Там же, в Екатеринославе, в 1908 г., во дворе четвертой полицейской части, по приговору военного суда повешены: Аристофиди, Кошель, Воскобойник, Лавринов и Киненко. Во время казни веревка оборвалась, Кошель упал на землю, испустив страшный крик. Палач, желая прекратить его крик, наступил ему на горло ногой, издевательство палача над Кошелем и другими осужденными прекращены были прокурором. Даже про-

курор, этот верный страж самодержавного правопорядка, и тот не выдержал издевательства палача, считая, что смертник еще имеет право издать последний человеческий крик.

Казнили так, чтобы и мертвых не узнали и тела не были разысканы.

В Варшаве в 1906 г. близ цитадели рыбаки вытащили из р. Вислы 14 крепко связанных между собою трупов революционеров с залитыми смолою лицами.

Жители города Саратова в 1908 г. обнаружили в помойных ямах несколько трупов казненных. До прибытия представителей власти собралась тысячная толпа и стала вылавливать трупы баграми; трупы оказались в арестантском белье, с обрезанными веревками на шее и со следами издевательств перед казнью.

Это зрелище произвело сильное впечатление на присутствующих; было много слез и истерик. Когда на место происшествия выехала полиция, и полицеймейстер стал приказывать присутствующим разойтись, в него было сделано из толпы два выстрела.

В 1906 г. в Прибалтийском крае приговоренного к смерти заставили к месту казни 4 версты пройти за своим гробом, который несли впереди солдаты.

Знаменитый рижский застенок, прославившийся в 1905—1906 гг., на всю Европу своими средневековыми инквизиторскими приемами допроса заключенных, не позабыт и поныне оставшимися в живых жертвами Грегуса и Михеева. Здесь имело место избиение до и после вынесения смертного приговора.

В средние века „гуманисты“ считали „нечеловечным“ казнить раненого или больного преступника. Его обычно подлечивали, ставили на ноги и казнили после выздоровления. В России, в эпоху массовых казней, такая „гуманность“ отсутствовала. Вешали больных слепых, в бессознательном состоянии, избитых, изувеченных пытками перед казнью. Вот далеко не исчерпывающий список измученных пытками и подвергнутых перед казнью издевательствам.

Аболин Ян. Подвергнут экзекуции, которая длилась в течение 3 ночей. От него требовали оговора товарищей по делу, обещая волю и особые награды. Не добившись ничего, расстреляли.

Азен Петр. Во время „допроса“ отсекали ему правую руку, раздробили кости левой ноги, нанесли множество ран по всему телу, и, ничего от него не добившись, расстреляли изувеченного и окровавленного.

Аккерман. Во время „допроса“ перед казнью ему разможжили череп, сломали ногу.

Бах. Во время ареста офицер приказал ему прыгать через канаву. Когда он послушался и перепрыгнул канаву, солдаты по команде офицера, подхватили его на штыки.

Бахман. Во время казни оркестр играл „боже царя храни“. После казни его приговорили к 3-месячному аресту...

Безайс Жан. собственноручно избит и расстрелян бароном фон Остен-Сакеном.

Бекман. Чтобы добиться признания, его пытали так жестоко, что он во время пыток лишился сознания. Облили водой и вторично пытали под звуки шарманки. Полицейские в это время пели песни и пьянствовали. Расстреляли изувеченного.

Берзинь П. Перед расстрелом подвергнут экзекуции 250 ударами нагаек. Труп его был брошен в Двину.

Берхланд. Перед казнью подвергнут пыткам по всему телу. Изувеченного казнили. Труп его был брошен в Двину.

Бирзек Эрнест. Перед казнью его допрашивали на протяжении 8 дней в рижском полицейском управлении, где его пытали Грегус, Михеев и Ткачев. Рвали щипцами ногти, били по половым органам, ломали кости и всего изувеченного казнили.

Бирик Ян. Перед казнью подвергнут пыткам.

Бископ Юра. Перед расстрелом подвергнут пыткам, после которых оказался не в состоянии стоять и ходить. По естественным надобностям его водили товарищи по камере, охранники, для продолжения пыток переносили его на руках.

После пыток он лишился возможности принимать пищу и питье; вплоть до расстрела (22 декабря 1906 г.) мочился кровью.

Бредис. Перед казнью исколот штыками.

Бренцис. Подвергнут экзекуции 200 ударам нагаек. После расстрела труп был брошен в Двину.

Варн Том, Яков. Собственноручно расстрелян ген. Орловым. Труп Варна пропал.

Вейде Юрис. Перед расстрелом изувечен 150 ударами нагаек. Отец и мать подвергнуты экзекуции.

Вейнберг Франц. 17 февраля 1906 г. подвергнут „допросу“, в течение которого его пытали полицейские экзекуторы Кукас и Михеев. Вейнберга раздели до нага, повалили на ножки опрокинутого стула; один казак держал его за ноги, другой за голову. Четверо били его по всему телу проволоочной нагайкой и до тех пор, пока весь пол не был покрыт лужами крови. Когда и после этого Вейнберг не дал никаких показаний, ему дали „отдохнуть“ и снова продолжали экзекуцию до тех пор, пока пытаемый не потерял сознания. Облили холодной водой, истерзанного расстреляли.

Витит Миколь. Подвергнут экзекуции, и истерзанного расстреляли.

Воронич. В дни московского вооруженного восстания, в декабре 1905 г. изувечен пытками и расстрелян на глазах жены, которая после этого лишилась рассудка.

Вулл Карл. Во время ареста ген. Орлов приказал ему прыгать через канаву, он отказался. Тогда ген. Орлов тут же собственноручно расстрелял его.

Гайлит Ян. Перед казнью подвергнут экзекуции; его били, ломали кости, рвали ногти и повесили полумертвого.

Горбант Альфред. Избит прикладами, исколот штыками, потом расстрелян.

Грезе. Подвергнут экзекуции нагайками; его привязали к лошади и гнали лошадь 20 мин., потом его пристрелили и перерезали горло шашкой.

Грюнин Фердинанд. Подвергнут экзекуции иглами, огнем и железными палками до того жестоко, что 22-летний цветущий и здоровый юноша превратился в лысого, изувеченного старика. Чтобы скрыть следы пыток, его расстреляли при „попытке бежать“.

Дамбис. Подвергнут жестокой экзекуции ударами нагаек, от которых он умер.

Данишевский. Изувечен, расстрелян и после казни приговорен к 3-месячному аресту.

Девкоцин Юлий. Подвергнут экзекуции и собственноручно расстрелян бароном фон Остен-Сакеном.

Дрейман. Зверской жестокой экзекуцией был превращен в калеку. Зияющие раны посыпали солью. Мучения были настолько ужасны, что Дрейман предпочел смерть и подписал заранее составленный экзекуторами протокол „допроса“. По приказу ген. Орлова его расстреляли 25 сентября 1906 г. в состоянии агонии.

Друке Август. Во время „допроса“ инквизитор Кукас пытал его две ночи подряд: перебил ему руки и ноги. Искалеченного расстреляли.

Заренко Яков. Во время допроса подвергнут пыткам. Его раздели, били проволоочной палкой, рвали волосы, бороду и усы, тушили о тело папиросы, рвали половые органы, выбили глаза. Растерзанного расстреляли.

Зоммер. Перед расстрелом подвергнут экзекуции.

Иван Я. Подвергнут экзекуции, во время которой сошел с ума, и в таком состоянии был расстрелян.

Иванец. Приговоренный к казни, от конвоя бежал. Поимали и тяжело избили. В тюрьме болел тифом, потерял зрение и слух, повесили больного.

Иванеш. Его вывели на казнь вместе со смертником Капланом. Первого казнили Каплана. Увидав висящий труп, Иванеш с нечеловеческой силой вырвался, прорвал цепь солдат и бросился бежать. Его настигли, избили, покололи штыками и истекающего кровью казнили.

Иордан. У эшафота подвергнут экзекуции. Выбили два зуба.

Исак. У эшафота подвергнут экзекуции.

Калпин. Перед расстрелом подвергнут инквизиции. Пытали нагайками, прутьями и иглами.

Калькис. Избит и собственноручно расстрелян бароном фон Остен-Сакеном.

Кириллин. Перед казнью ему нанесли 30 штыковых ран. Коган-Бернштейн. Участник вооруженного выступления в Якутске (якутская трагедия). В 1889 г. изуродованного и раненого штыковыми ударами, тяжело больного повесили. К эшафоту поднесли на кровати.

Криглас А. Изувечили, расстреляли и труп выбросили в Двину.

Крумин Ян. Перед расстрелом настолько изуродовали и избили, что товарищи не могли его узнать из-за опухоли лица и глаз.

Кук Томас. Собственноручно избит и расстрелян фон-Коцебу.

Лайский. У эшафота подвергли истязаниям прикладами ружей и сапогами во все части тела, вследствие чего он скончался до совершения над ним казни.

Ландман. Избит и расстрелян и после казни приговорен к 10 годам каторги.

Лапса (18 л.). Перед расстрелом подвергнут „допросу“. Не добившись от него никаких показаний, повалили на пол (в помещении рижского полицейского участка); помощник полицейского пристава вскочил ему на грудь и прыгал до тех пор, пока грудная клетка и ребра у Лапса не оказались проломленными. После этих пыток Лапса не мог принимать никакой пищи.

Ларионов. Перед расстрелом был изуродован штыками. Первый удар штыка пришелся в позвоночник; Ларионов упал, обливаясь кровью, начал просить пощады, просить, чтобы скорее застрелили, но последовали новые штыковые удары и уже совершенно изувеченного пристрелили.

Линин. Перед расстрелом подвергнут экзекуции. Жену его подвергли избиению.

Лицип. Перед расстрелом подвергнут, порке, нанесли 170 ударов нагайкой. Труп был брошен в Двину.

Лук. После казни приговорен к каторге.

Лус Ян. Перед расстрелом подвергли экзекуции: били по всему телу нагайками, калечили тело иглами, рвали волосы, обжигали тело, рвали ногти и выбили глаз.

Мартынсон Р. Во время „допроса“ его топтали ногами, вырывали шпорами мясо из икр, и кровь лилась ручьями. Изувеченного расстреляли.

Маурынъ Петр. Подвергнут экзекуции 150 ударам нагаек и расстрелян.

Мезит. Изувечен и казнен. После казни оправдан.

Милтынъ. Перед расстрелом подвергнут 150 ударам розог.

Михельсон. Перед казнью по приказанию полковника Римана изувечен штыковыми ударами. Его труп лежал неубранным 7 дней. Птицы выклевали ему глаза и собаки ели его тело. Похоронили лишь спустя 8 дней после расстрела.

Мор. После расстрела приговорен к 1 месяцу ареста...

Морозов Анатолий. Во время ареста был сильно избит и изранен. У эшафота он лишился сознания, петлю надела бесчувственного.

Нейман. Перед расстрелом он был подвергнут столь жестокой экзекуции, что после истязаний не мог ни стоять, ни ходить. Изувеченного казнили.

Озол Ян. После расстрела приговорен к 3-месячному аресту.

Озолин Иван. Перед казнью подвергнут „допросу“, на котором его изувечили, выбили все зубы, глаз и выломали ногу.

Ордовский. Изуродован штыковыми ударами и расстрелян по приказу полковника Римана.

Осит. Перед расстрелом был подвергнут экзекуции, во время которой играла шарманка, а полицейские пьянствовали. Его повалили на ящик головой вниз и избивали до тех пор, пока резиновые палки и руки избиваемых не покрылись кровью. Потерявшего сознание Осита облили водой и снова подвергли экзекуции. Стоять он уже не мог, его положили на скамейку и снесли в камеру, припевая „вставай, поднимайся, рабочий народ“. В камере его бросили на голые нары. В уборную его носили на руках его же товарищи. По всему телу открылись глубокие гнойные раны. Расстреляли умирающего.

Отруп Аня. Перед расстрелом его подвергли „допросу“ и не добившись от него никаких показаний, подвергли снова инквизиции. Рвали с него ногти, били по половым органам, ломали кости и изувеченного расстреляли.

Пахомов. Изувечен по всему телу штыковыми ударами и расстрелян.

Пельц. Перед расстрелом подвергли „допросу“, во время которого у него из головы и из бороды вырывали волосы клочьями.

Пузаро. Собственноручно избит и расстрелян бароном фон Остен-Сакеном.

Равелин Федор. После расстрела ему вынесли выговор и приговорили к 3-месячному аресту.

Рауска. Перед расстрелом подвергнут экзекуции штыковыми ударами.

Рихтер Ян. Перед казнью подвергнут экзекуции в рижском полицейском управлении под руководством Грегуса, Михеева и Ткачева. У Рихтера рвали ногти, волосы, били его по половым органам, ломали кости и расстреляли изувеченного.

Розе. Батрак. Вначале расстрелян, потом повешен. Его труп висел три дня „для устрашения“.

Руман. Били нагайками, от них на теле получались раны, которые посыпали солью и протирали тряпкой. После этого снова продолжали бить... Когда же он все-таки отказался от дачи показаний, его бросили на пол и стали топтать ногами. Изувеченного расстреляли.

Салум Антон. Учитель, поэт. Присужденный к 150 ударам нагайкой, он просил не надругаться над его телом и расстрелять сразу. Его все таки избили и расстреляли окровавленного.

Сникер Отто. Подвергнут экзекуции за отказ в выдаче соучастников революционной организации. Вначале его избили нагайками, потом топтали ногами, ломали кости, рвали ногти и волосы, тушили папиросы и сигары о его тело, сдавливали головные органы и изувеченного расстреляли.

Страздыня. Во время „допроса“ поваленного на пол били по икрам, пока ноги не распухли и мясо не стало отваливаться от костей. Потом расстреляли „при попытке к побегу“.

Томин. Перед расстрелом подвергнут экзекуции.

Трауцын. Перед расстрелом подвергнут пыткам по всему телу и выбит глаз.

Трейлоны (два брата). Во время „допроса“ подвергнуты жестоким пыткам, в результате которых они оговорили себя, что подожгли помещичью усадьбу. Обоих расстреляли 9 октября 1906 года. После расстрела они были признаны невиновными и оправданы.

Узинь. Расстрелян за то, что дал приют гонимому боевику.

Фрейман. Стащили ночью с постели и в одном нижнем белье на глазах у жены и детей расстреляли.

Шалинь Семидесятилетнего старика перед расстрелом подвергли экзекуции.

Шаповалов. Приведенный к эшафоту, он бросился бежать, но стражники его настигли, избили шашками, нанесли по телу 5 глубоких ран. Раненого немедленно казнили.

Штраус. На протяжении 3 дней подвергался экзекуции. Расстреляли изувеченного.

Энин. Ему нанесли свыше 100 ударов нагайками и изувеченного расстреляли.

Шульмейстеры. Отец и сын. Перед казнью их подвергли экзекуции по 150 ударов нагайками и расстреляли на глазах жены и матери.

Юрченко. Приведенный на Лысую гору (в 1908 г., в Киеве) Юрченко, при выходе из кареты смертников, закованный в кандалах, бросился бежать. Городовые и солдаты его настигли, сильно избили прикладами у эшафота и казнили окровавленного.



СМЕРТНИКИ-САМОУБИЙЦЫ

Ожидавшие казни мысленно переживали ее каждый день и каждый час. Чем бы смертники не занимались, где бы они не находились, о чем бы смертник не думал, процесс казни мысленно не покидал его ни на мгновение. Эта мука ожидания доводила до отчаяния, до самоубийства, сводила с ума, бывали случаи, когда сердце ожидавшего казни не выдерживало: Владимир Никитин, офицер расположенного в Севастополе белостокского полка, в 1909 г. осужденный к смертной казни за призыв солдат к восстанию и ранение командира полка, умер в одесской тюремной одиночке от разрыва сердца за два часа до казни.

Приговоренный в 1911 г. красноярским военным судом к смертной казни бывший чиновник Подобедов сошел с ума в ожидании казни.

На 45-й день ожидания казни после приговора казнено в Елисаветграде в 1909 г. девять из 12 осужденных к смерти человек, один покончил самоубийством, двое, ожидая казни, сошли с ума.

В августе 1909 г., в Варшаве, Ян Ланге по пути из крепостной тюрьмы к виселице заболел буйным умопомешательством.

Не всегда приведение смертного приговора военно-полевого суда приводилось без задержек—в 24—48 часов после решения суда. Иногда смертники, осужденные военно-окружным судом, ожидали казни от 7 дней до 3 месяцев и больше. Так, например, Серадзе приговорили (в Тифлисе) к смерти 22 сентября 1906 г., а казнили 29 сентября. 7 дней прошло в ожидании казни. Кочетов и Кокелидзе томились до казни 10 дней.

Анархист Спиридонов, казненный в Нижнем-Новгороде 23 марта 1907 г., просидел в одиночке в ожидании казни после приговора 3 месяца.

Четверо анархистов, приговоренных к смерти в 1909 г. в Тюмени, в течение 2 месяцев ожидали казни со дня на день, не зная, что в конторе тюрьмы лежит извещение от главного военного суда об отмене приговора, что дело послано на дознание. Пока не узнали окольным путем, что приговор отменен, они все время содержались в режиме, установленном для смертников: в одиночках, ручных и ножных цепях. Этот

особый вид издевательства над людьми проделывался с определенной целью спровоцировать смертников на самоубийство, на убийство, на „попытку к побегу“ и т. д.

Не смерть пугала большинство смертников, а процесс казни. Каждого из смертников, ожидавшего неделями порой и месяцами, часа вызова, повседневно точила мысль: „сегодня конец“. Сегодня не брали, завтра и послезавтра тоже, и все эти ожидания изматывали нервы, доводили смертника до бреда, психоза, самоубийства. Большая цифра самоубийств по тюрьмам эпохи казней 1906—1911 г. падает на смертников.

Ожидавшие казни кончали самоубийством до вызова их к эшафоту и по другим причинам; они хотели избавить себя, свое тело от поругания, не дать вести себя, как теленка, на убой, не допускать (пока еще работало сердце) прикосновения к своему телу палача и его помощников. Больше всего прибегали смертники к самоубийству посредством отравления цианистым калием, меньше морфием или ножом и очень редко прибегали к самоубийству через повешение при помощи шнура или веревки, что достать было легче. Добровольная смерть придавала смертнику больше бодрости и решимости: „умираю сам, когда и как хочу“. Добровольная смерть—вызов тюремщикам и палачам.

Попытки к самоубийству и самоубийства происходили зачастую на глазах у товарищей по камере. Приведем несколько отрывков из воспоминаний политкаторжан и других источников.

„Его смерть произвела на меня ужасное впечатление: Громадная сила воли, потрясающая картина героической смерти. Перед смертью он был весел, курил, разговаривал, смеялся. Волнений не было заметно. Потом нацупал сердце, приложил нож одной рукой, а другой ударил: „раз, два“. Потом сказал: „вот хорошо. Выньте“. И начал хрипеть и умер, не издав ни одного громкого стога. Смертник оставил записку: „Кончаю жизнь самоубийством. Вы меня приговорили к смерти и, быть может, думаете, что я боюсь вашего приговора, нет, ваш приговор мне не страшен. Но я не хочу, чтобы надо мной была произведена комедия, которую вы намерены проделать со своим формализмом. Мне грозит смерть. Я знаю и принимаю это. Я не хочу ждать смерти, которую вы приведете в исполнение... Я решил помереть раньше, не думайте, что я такой же трус, как и вы“.

В августе 1908 г. бывшая сельская учительница Матрена Присяжнюк была приговорена в Киеве к смертной казни; 12 сентября 1908 г. приговор был утвержден, но еще не приведен в исполнение. Перед казнью Присяжнюк была помещена в камеру рядом с камерой политического каторжанина Энделя Хорна. Он слышал ее непрерывные шаги и звон кандалов. Ночью светила луна. Через стену было слышно, как смертница, звеня кандалами, подошла к окну. Два ее товарища,

вместе с ней осужденные, уже раздобыли яду. Хорн вскрыл замазанное глиной отверстие в стенке и передал девушке циннистый калий в носке чайника. Она приняла яд и умерла.

В письме к друзьям Хорн отрывочно описывает последние минуты Раи (партийная кличка Присяжнюк):

„После смены (проверки) слышу стук в стенку. Я подошел. „Сейчас приду. Эндель, я без воды. Что парни? Кажется уже. Прощай“. Я слышал шорох платя, звон кандалов. Затем тишина. Затем она сильно задышала. Вздохи. Опять слабое дыхание... наконец, сильные вздохи... тишина. Тише, человек умер... не стало дорогой Раички. Тише, человек умер, но жизнь идет своим чередом... Я говорил с нею, я слышал все, был с нею до последней минуты. Все это навсегда запечатлелось в моей душе... Нет Раи, говорите вы, неправда. Я говорю—она есть и теперь со мною, со всеми нами, которые любили ее. Мы будем жить ею. Через некоторое время послышался стук в стенку, но отвечать было незачем—то пришли тюремщики“.

„В орловской каторжной тюрьме в 1911 году произошел следующий случай в 6-й камере, 4-го отделения, где сидели „вечники“ (люди осужденные на бессрочную „вечную“ каторгу), находился и политический каторжанин Иван Судич. После ареста в Прибалтийском крае его жестоко пытали. Эти пытки оставили на нем неизгладимый след. В Орле он подвергся новым истязаниям. Однажды вечером он обратился к своим сокамерникам со следующими словами: „Товарищи, позвольте мне повеситься. Я больше не могу“...“

Никто не удивился этим словам, каждый думал про себя: „если он повесится, нас завтра всех выпорют, но мы не сможем отказать ему: слишком он уж мучается, и может быть мне самому придется просить у товарищей о той же милости“.

После некоторого колебания товарищи разрешили Судичу повеситься. Они нарочно раньше легли спать, закрыли головы одеялами, чтобы не слышать предсмертных стонов и не видеть последних содраганий товарища. Заледенев от ужаса, ждали они его смерти. Многие плакали... Судич в это время вел веревку из простыни и надевал петлю. На утро его труп вынули из петли, а его сокамерников зверски выпороли“.

В саратовской тюрьме в 1906 году один из аграрников, фамилии не помню, три раза покушался на самоубийство, первый раз прорвал брезент в койке, сделал петлю и, спустив корпус под койку, затянул петлю на своей шее, но надзиратель подсмотрел в волчок, и его вытащили из петли полуживого; второй раз собрал необходимое количество воды в параше и опустил в нее голову и третий раз снял лампу, облил себя керосином и зажег..

Он стоял посреди камеры и быстро-быстро вращался вокруг себя, а пламя, точно в бурю, с волнующимся шипением обнимало его с ног до головы и от головы с треском поднималось к потолку. Притащили пожарный рукав, и сильная струя воды сшибла его с ног. Еще несколько минут, и его обгорелого, с ополавшимися глазами, корчащегося в страшных мучениях вынесли в коридор.

„Добейте меня...“ слышится мучительная просьба. И в ответ на это долетают слова начальника тюрьмы Гумберта: „Собаке—собачья и смерть“.

По словам надзирателей, обгоревший умер в больнице через двое суток. (И. Иванов, Саратовские смертники, „Из эпохи борьбы с царизмом“, сборник № 4, Киев, 1925, стр. 129).

Осужденный на казнь Козырев Николай Романович предпочел покончить с собой. Отравился 21 ноября 1908 г. в своей камере. Перед смертью он написал несколько писем товарищу по тюрьме, из которых приводим следующее:

„Приходится умирать тогда, когда хорошо знаешь, что грозный, ни перед чем не останавливающийся, поток так близок. Ведь сметет и испепелит все дебри народного невежества, и на обломках старого, бюрократического режима воцарится новая, молодая, сильная в просвещении Русь. Ведь народная масса подавленная проклятым, несправедливым строем и убаканная грабителями в

рясах, всюду стала просыпаться и говорить о своих человеческих правах, уже не довольствуясь тем, что попы обещают ей что-то там, далеко в загробной жизни. Нет, народ здесь, на земле, построит рай, и вполне человеческую жизнь, основанную на рациональных началах и справедливости. А я этого уже не увижу, а как бы хотелось посмотреть на свободную Россию. Смело, товарищи, я больше ничего. Никогда не будут поняты мои чувства, при которых была совершена частная экспроприация. Ведь иногда необходимость заставляет человека против собственных убеждений перешагнуть через труп. Простите, дорогой товарищ, кажется, много разной чепухи вам написал“.

Козырев был выдан провокатором и привлечен к суду за ряд экспроприаций и за принадлежность к террористической группе.

Убивший начальника тобольской каторжной тюрьмы г. Могилева в августе 1909 г. (за издевательства над политическими заключенными) Шишмарев Николай Дмитриевич (Галя), выслушав смертный приговор, заявил судьям: „Привести его в исполнение вам не удастся!“ За несколько часов до казни он принял яд; когда пришли тюремщики брать его на казнь, они наткнулись на его труп.

В тамбовской тюрьме в марте 1909 г. пять смертников пытались покончить жизнь самоубийством: трех спасли, двое скончались. Один из покушавшихся перерезал себе отточенным кончиком стального пера артерии на обоих руках, но был спасен во время. Жизнь свою он кончил на эшафоте.

Двое осужденных в 1909 г. военно-окружным судом к смертной казни по делу ж.-д. забастовки в Екатеринославе, приняв цианистый калий, покончили самоубийством.

В 1908 г. были казнены в одно время Сенюченко и Кравченко. В Киеве они сидели в одной одиночке, предназначенной для смертников лукьяновской тюрьмы в ожидании казни. Пытались одновременно покончить с собой, отравились, но были спасены тюремным врачом. После того как они оправились, их отправили на казнь.

В Самаре, вечером 15 июля 1910 г., приговоренный к смертной казни крестьянин Нефедов поджег в камере постельный матрац и, когда камеру отворили, бросился с лестницы. Нефедов остался жив, пролежал в больнице месяц. Интересно, что когда о случае сообщили по телефону прокурору суда, то оказалось, что в канцелярии прокурора имелось уже распоряжение об отмене смертной казни.

В 1911 г. в екатеринославской тюрьме приговоренный к смертной казни Горбаченко сжег себя в камере, облившись предварительно керосином.

В марте 1911 г. в полтавской тюрьме повесился приговоренный к смертной казни, не ожидая объявления приговора в окончательной форме.

В Царицыне 16 ноября 1907 г. повешено 3 человека: Горбаченко, Птицын и Новиков. За несколько дней перед казнью осужденные пытались покончить самоубийством, но им помешали.

В рижской тюрьме в 1907 г., ожидая казни повесился Игансон, смертный приговор которого был подтвержден.

В московском военно-окружном суде в 1907 г. рассматривалось дело об экспроприации, по которому крестьянин Воробьев был приговорен к смертной казни через повешение, а трое других подсудимых присуждены были к ссылке в каторжные работы. 15 сентября 1907 г. должен был быть объявлен приговор в окончательной форме. В заседание военно-окружного суда были доставлены только трое, приговоренные к каторжным работам, так как Воробьев 14 сентября в тюрьме покончил с собой.

23 марта 1907 г. петербургским военным судом крестьяне Киргин и Лиевин, обвинявшиеся в экспроприации, были приговорены к расстрелу. Окончательный приговор должен был быть объявлен 25 марта, день был неприсутственный, объявление приговора было отложено на 26 марта. Один из осужденных Лиевин, не будучи в состоянии вынести томительного ожидания смерти, повесился на полотенце.

В Елисаветграде в 1908 г. военный суд приговорил к смертной казни через повешение 3 анархистов-коммунистов, обвинявшихся в убийстве агента сыскальной полиции. Один из осужденных Христенко, 23 лет, ожидая казни покончил в тюрьме самоубийством. Сначала Христенко прибег к самосожжению. Для этого он привязал себя к кровати полотенцем и поджег солому матраца. Очевидно смертник не выдержал мучений; он удавился веревкой, которую прикрепил к оконной решетке. Тело его было во многих местах оглушено.

В Уфе в 1909 г. во дворе тюрьмы приведены в исполнение смертные приговоры над 4 осужденными. Один из казненных Рубин, незадолго до казни пытался отравиться каким то ядом.

В 1909 г. в марте в тамбовской тюрьме, ожидая казни, отравился смертник Денисов. Там же пытались покончить с собой смертники Орлов и Поляков.

Ожидавший казни в 1909 г. в Киеве Протвенко отравился.

В новочеркасской тюрьме во время борьбы с нападками на надзирателя приговоренным к смертной казни политическим Василиным последний убит надзирателем из револьвера. Василий бросился на надзирателя, когда последний вошел к нему в одноконную камеру и стал душить его.

В Полтаве в 1909 г. за два часа до исполнения смертного приговора повесился крестьянин-аграрник.

В Камышине в 1909 г. накануне объявления приговора по делу о вооруженном восстании отравился Колеев, ожидавший смертного приговора.

В Курске, приговоренный к смертной казни в 1909 г. Уткин, пытался повеситься на полотенце. Его вынули из петли уже в бессознательном состоянии; вернули ему жизнь, а через два дня отняли ее на эшафоте.

В ревельской тюрьме в 1909 г. крестьянин Пасис, присужденный к повешению, покончил с собой.

В тамбовской губернской тюрьме в 1909 г. отравился заключенный Шлаев, содержащийся там по обвинению в убийстве жандарма. Шлаев числился за московским военно-окружным судом. Ему грозила смертная казнь.

В виленской губернской тюрьме в 1910 г. сжег себя приговоренный к смертной казни, покушавшийся на жизнь командующего войсками Гершельмана и ранивший вместо последнего ген. Пенго. Кассационной жалобе не было дано хода, защитник осужденного, подавший докладную записку с ходатайством о смягчении участи обвиняемого, не был принят и приговор суда был утвержден. Смертник сжег себя накануне казни: он обвязал голову платком, облил ее предварительно керосином и поджег. Когда вошли в камеру, то увидели горящий факел. Неизвестный через несколько минут скончался. В херсонской тюрьме в 1910 г. повесился Ткаченко, приговоренный военным судом к казни.

В александровской каторжной тюрьме 15 политических смертников братски поделили между собой яд, чтобы таким путем избавиться от смерти на эшафоте.

В Одессе приговоренный в 1909 г. к смертной казни через повешение за нападение на курьерский поезд Давид Робинзон был в апреле под конвоем доставлен в военный суд для выслушания приговора в окончательной форме. На обратном пути Робинзон внезапно умер. Это очевидное отравление не могло произойти без помощи кого либо из друзей Робинзона, которому, вероятно, передали через охранявший его конвой что-либо из пищевых продуктов, начиненных ядом.

Не менее характерными являются факты, когда при отсутствии какой бы то ни было возможности бежать из места заключения смертники такие попытки все же делали, зная хорошо, что бежать не удастся, но за то удастся наверняка быть пристреленным. Шли на это, чтобы прекратить агонию ожидания смерти. В очень редких случаях смертникам удавалось, обезоружив охрану и отстреливаясь, скрываться, как, например, в 1909 г. в тамбовской тюрьме, где 3 приговоренных к казни, обезоружив стражу, скрылись.

В 1909 г. в курской тюрьме 3 приговоренных к смертной казни напали на надзирателей и отнятым у них револьвером один застрелился, другой тяжело себя ранил, третий был убит своим же товарищем. Смертники сговорились—не пытаться бежать, а отнятым револьвером покончить с собой до вывода к эшафоту.

В Тифлисе в 1909 г. 5 смертников, приговоренных к казни во дворе метехского тюремного замка, при перемене наручников набросились на сопровождавших надзирателей. Ранив одного и отняв у него шашку и револьвер, бросились в тюремный ко-

ридор; ранили стоявшего там часового и, отняв винтовку, засели в углу и начали обстреливать приближавшихся надзирателей и солдат, залпом которых один из стоявших смертников был убит.

НАЧАЛЬНИКЪ

ОДЕССКАГО

ОХРАННАГО ОТДѢЛЕНІЯ

5 Декабря 1908 г.

№ 52572

г. Одесса

Копія.
Л и ч н о.
Совершенно-Секретно

По полученнымъ, совершенно секретнымъ путемъ свѣдѣніямъ, мать содержащагося во ренной Вамъ тюрьмѣ Давида Р о б и н з о н а 3 сего Декабря носила въ тюрьму для передачи бѣлье сыну и отъ него принесла грязное бѣлье, въ которомъ оказалась записка слѣдующаго содержанія: "Кулешовъ приговоренъ къ смерти и проситъ чтобы ему принесли ядъ съ цѣлью покончить самоубійствомъ".

Объ изложенномъ сообщаю Вамъ для свѣдѣнія.

Подлинную подписалъ и вѣрно:

П о д п о л к о в н и к ъ

(Одесский краевой исторический архив)

Трое других смертников, выбежав в другой коридор, убили встречного надзирателя, ранили часового и, взяв их револьвер и винтовку, стали из-за угла систематически обстреливать администрацию и солдат. Стрелявшие смертники не желали сдаться и были перебиты; во время этой перестрелки был убит тюремный надзиратель и 3 тяжело ранены. Терять смерникам было нечего, ожидая казни, они искусственно вызвали перестрелку, в которой нередко платились жизнью обе стороны.

Там же, в июне 1909 г., зарегистрировано 2 случая самоубийства осужденных к смертной казни отнятым оружием у стражи.

В мае 1910 г. в троицкосавской тюрьме взбунтовались приговоренные к смертной казни, при чем один из них был убит, один застрелен и один ранен.

В 1910 г. на улице в Чите убит конвойным во время „попытки к побегу“ Дубовин, приговоренный к смертной казни.

В Виндаве в 1909 г. после ряда неудачных попыток к бегству покончил в тюрьме самоубийством политический смертник Вейберг.

В Каменец-Подольске в 1910 г. пытался бежать приговоренный к смертной казни политический Живегов. Завладев револьвером надзирателя, он застрелил его, и сам тут же был застрелен конвоем.

В московской губернской тюрьме в 1907 г. политический заключенный Шахов повесился на веревке, сделанной им из ниток, выдернутых из белья.

В Вильно в 1910 г. утром вели к месту казни осужденного рядового Сафулина; он пытался бежать и был убит конвойными.

В Красноярске в 1910 г. приговоренные к смертной казни Петров и братья Голубенко вечером напали на надзирателя, отняли револьвер и бросились бежать из камеры к ограде. Часовой выстрелом убил младшего Голубенко. Между старшим Голубенко, Петровым и солдатом произошла перестрелка. Петров был ранен. Голубенко, запершись в камере, продолжал стрелять и потом застрелился сам.

В 1909 г. в воронежской тюрьме приговоренный к казни Ткачев во время вечерней проверки замахнулся на вошедших в камеру пом. нач. тюрьмы и надзирателя. Последний выстрелил и смертельно ранил Ткачева в живот. Совершенно понятно, что безоружный Ткачев, замахнувшись на представителей администрации, имел в виду именно быть застреленным в камере, чтобы не быть повешенным в ограде.

В 1907 г. Эммануил Лагунов („Матвей-грузин“) убил начальника одесской тюрьмы Шаферука за издевательства над заключенными и, не ожидая ареста и казни, застрелился сам.

Приговоренный в 1906 г. в Одессе к смертной казни Эрделевский бежал от конвоя и застрелился.

Покончил самоубийством Адонцов Пинкус (фамилия нелегального паспорта, настоящая не выявлена), который за принадлежность к группе анархистов-коммунистов был приговорен в 1907 г. к смертной казни.

На 18-й день ожидания казни покончил жизнь самоубийством политический смертник в рижской тюрьме — Моисей Фрадкин.

В нижегородской тюрьме, в карцере, был найден повесившимся каторжанин Дмитриев, обвинявшийся в экспроприации и приговоренный к казни.

Гомбоев, приговоренный к повешению в 1908 г. в Петербурге за участие в экспроприации, покушался на самоубийство, но был спасен и казнен.

В июне 1911 г. из пятигорского арестного дома пытались бежать и вступили в перестрелку со стражей 4 приговоренных к смертной казни, один из них и двое часовых были убиты. Аналогичный случай имел место в екатеринославской тюрьме, при чем был тяжело ранен тюремный надзиратель...

Далеко неполная статистика самоубийств по русским тюрьмам, составленная главным тюремным управлением, сводится к следующему:

Годы	Покончили самоубийством
1905	40
1906	42
1907	118
1908	123
1909	145
1910	142
1911	116
1912	120
1913	122
Итого	938 чел.

Около тысячи человек, окончивших жизнь самоубийством. Из этого числа огромная часть падает на „смертников“, т. е. на людей, осужденных к смертной казни.

К этому числу надо добавить вдвое, втрое больше покушений на самоубийство, отнесенные тюремщиками из главного тюремного управления к рубрике: „симуляций“. („Девятый вал“. К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. Москва, 1927, стр. 20).

